

KQDH

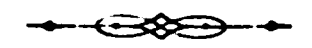
Графъ Алексисъ Жасминовъ

ГОЛУБЫЕ ЗВУКИ

И

БѢЛЫЯ ПОЭМЫ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1896

Дозв. ценз. Спб., 14 ноября 1895 г.

Ayez pitiè de mon absence
Au seuil de mes intentions!
Mon âme est pale d'impuissance
Et de blanches inactions.

Имѣйте сожалѣніе къ моему отсутствію на порогѣ моихъ намѣреній. Моя душа блѣдна отъ безсилія и отъ бѣлаго бездѣйствія.

«Serres chaudes». M. Maeterlinck.

ГОЛУБЫЕ ЗВУКИ

ПРИДИ!

Въ золотистыхъ предмѣстіяхъ моей
души
Гуляютъ голубыя курицы съ бѣло-
курыми волосами:
Онѣ клохчутъ въ сонной нѣгѣ, а зе-
леное сомнѣніе
Запѣваетъ свою печальную, трупную
пѣсню.

* * *

Бѣлыя думы, оранжевыя мечты о
счастіи,
Будто мотыльки въ вечерній часъ
надъ тростникомъ,

Кружатся и трепещутъ надъ лазурью
моего сердца,
Отражающаго теплыя муки и отбле-
ски любви.

* * *

Приди, о приди, мое божество, моя
тихая ласка!
Мѣсяцъ ужъ завелъ блѣдную музыку
своихъ мечтательно - вдумчивыхъ
лучей:
Фіолетовые тоскующіе ароматы
Обвиваютъ замирающую отъ страсти
землю...
Приди!

НОЧЬ.

Въ прозрачно-обезсиленномъ туманѣ ночи
Умерли страстныя колыханія складокъ алькова.
Застывшая пѣна узорныхъ кружевъ,
Мѣшаясь съ голубымъ шелкомъ, скатилась съ твоего плеча.
Божество съ пепельными, разметавшимися волосами...
Остановившіеся мгновеніе блѣдно-палеваго восторга страсти...
Синія жилки на нѣжномъ мраморѣ тѣла,
Ароматъ Stephanotis и Bouquet Amor mio

Ножка съ узенькой пяткой Психеи
Кановы...
Вспоминаете вы Villa Carlotti на Lago
di Coma?
Дыханье магнолій и блескъ желтыхъ
и красныхъ розъ,
Кусокъ синей воды въ рамѣ смуглой
зелени?
Плутишка-мизинчикъ меланхоличе-
ской ножки,
Робко прижавшійся къ четыремъ сво-
имъ братьямъ съ розовыми ногот-
ками.
Божество съ пепельными, разметав-
шимися волосами!
Возьми красный трепетъ моихъ поцѣ-
луевъ своими истомленными губ-
ками.

ПРОРОКИ БУДУЩАГО.

Въ желтомъ домѣ сумасшедшихъ
Живутъ сѣрые мудрецы-поэты;
Они изрекаютъ неродившіяся еще
истины
Въ стихахъ длинныхъ и влажныхъ,
какъ извивающіяся змѣи;
Это мистическія, полинялыя истины
вѣковъ,
Исчезнувшія въ бѣлокуромъ туманѣ
сомнѣнія...
Сѣрые мудрецы-поэты,
Живущіе въ желтомъ домѣ сума-
сшедшихъ!
Вы, только вы одни изъ всѣхъ,

Пророки тянущихся волоконъ ткани
будущаго,
Наступленіе котораго нельзя уско-
рить,
Какъ лѣнивому ослу нельзя палкой
прибавить ходу.

БѢЛОКУРЫЙ СФИНКСЪ.

Въ твоихъ зеленыхъ глазахъ, бѣло-
курый сфинксъ,
Таится мистическая загадка творенія,
Умирающая тайна жизни,
Оживляющая тайна смерти,
Холодный, яркій огонь сладострастія,
Согрѣвающій блѣдный пламень цѣло-
мудрія,
Послѣднее сверканіе падающей звѣ-
зды, проклятой Богомъ,
Первый блескъ зари, зажигающей
росинки на дѣвственной лиліи,
Серебристое трепетаніе крыльевъ ан-
гела,

Молнія, брошенная черной рукой
демона,
Мистическія глубины божественной
мысли
И низко-самодовольная тупость рыжей кошки, грѣющейся у печки.

СОНЕТЪ.

Красныя собаки желтой ненависти
Грызутся съ бѣлыми собаками розо-
вой любви,
А беззаботные гуси людского равно-
душія
Смотрятъ на это и глупо гогочутъ:
га-га.

* * *

Моя ультрамариновая фея съ мор-
ковными кудрями!
Развѣ ты не поняла еще
Своимъ лазурно-кристальнымъ серд-
цемъ,
Отчего грызутся въ моей душѣ.

* * *

Красныя собаки желтой ненависти
Съ бѣлыми собаками розовой любви?
Отчего беззаботные гуси людского
равнодушія
Смотрятъ на это, вытягивая свои
шеи,
Отчего они глупо гогочутъ свое га-га —
Развѣ ты не поняла, не поняла еще?

БѢЛЫЯ ПОЭМЫ

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ.

I.

При бѣломъ сіяніи мѣсяца
Блеснула золотая цѣпь герцога,
Когда, откинувъ черный плащъ съ
плеча,
Онъ властнымъ и рѣзкимъ движе-
ніемъ руки
Указалъ сопровождавшему его шпіо-
ну Варнавѣ
На мраморную скамью въ уютномъ
гротѣ

*

И, сверкая мстительными, горящими
глазами,
Прохрипѣлъ задыхающимся голо-
сомъ:
— «Ты говоришь, они сходились
здѣсь?»
— Да, государь, въ этомъ гротѣ.
— «Когда это было и сколько разъ?»
— Это было каждую ночь съ того
дня,
Какъ ваше высочество отбыли въ
Падую.
— «Каждую ночь! Каждую ночь? О,
проклятье!»...
— Каждую ночь, государь. — «Если
ты лжешь—
Я велю залить тебѣ глогку раска-
леннымъ свинцомъ!»
— Государь, я говорю правду: каж-
дую ночь.
Какъ только мѣсяцъ поднимался изъ-
за скалъ,
Лодка молодого Астольфо...
— «Не называй мнѣ его,

Не произноси его подлаго имени!»...
— Лодка его причаливала къ берегу
Тамъ, внизу, подъ густыми плата-
нами,
Около бронзоваго венеціанскаго льва
Притаившись, онъ ждалъ, покуда
синьора герцогиня
Выйдетъ изъ дворца...
— «Видѣлъ ли ихъ еще кто
нибудь?»
— Никто, кромѣ меня, государь, никто.
— «Ты слышалъ ихъ разговоры?»
— Нѣтъ, государь:
Они говорили такъ тихо, какъ ше-
лестятъ листья.
— «А что ты видѣлъ? Ты видѣлъ,
они цѣловались?»
— Да, государь, это было... Синьора
герцогиня...
— «Молчи, мерзавецъ! Ты видѣлъ
слишкомъ много
Для того, чтобы жить! Завтра тебя
повѣсятъ!
А теперь убирайся прочь!»

II.

Герцогъ тяжело опустился на скамью,
Полукруглую мраморную скамью, поддерживаемую двумя грифонами
Съ орлиными головами и львиными лапами,
Съ выпуклою грудью и загнутыми крыльями,
На которыхъ чуть колыхались синія пятна отъ листвы плюща,
Перемѣшиваясь съ лоснящимися, золотыми бликами;
Въ углу скамьи, куда скользнулъ яркій лучъ мѣсяца,
Лежали двѣ розы—красная и бѣлая,
Связанная у стебля вмѣстѣ тонкою золотистою лентою,
Увядшія, безжизненныя розы, въ холодномъ воздухѣ ночи
Едва струившія послѣдній, умирающій ароматъ;

Увидѣвъ эти розы, герцогъ вздрогнулъ и старыми руками,
Трепещущими руками схватилъ ихъ, разорвалъ ленту,
И бросивъ цвѣты на мозаичный полъ грота,
Въ бѣшенствѣ растопталъ ихъ ногою...
«Эти розы были на ея груди,
Она сорвала ихъ утромъ, она связала ихъ лентою,
Она думала про себя: вотъ такъ связаны и мы любовью,—
Я и ты, мой дорогой, мой милый Астольфо;
Она цѣлый день носила ихъ, прижимала къ своему сердцу,
Замиравшему отъ грезъ сладострастія,
Цѣлый день до вечера, до ночи, когда здѣсь
Упала въ его объятія и въ забвеніи измяла ихъ
И уронила, вздыхая и дрожа подъ его поцѣлуями...

Проклятіе! Проклятіе! Проклятіе!»...
Старый герцогъ застоналъ отъ ревнивой злобы
И судорожно схватился за грудь,
Какъ будто бы онъ задыхался подъ бархатомъ колета
И хотѣлъ разорвать его тяжелыя складки,
Потомъ онъ безсильно наклонилъ сѣдую голову
Съ большимъ, суровымъ лбомъ въ рѣзкихъ морщинахъ,
Надъ которымъ серебрились жесткіе, коротко остриженные волосы,
Едва прикрывая широкій шрамъ у лѣваго виска—
Давнишній, благородный слѣдъ остраго меча
Гвидо Счіарра, въ страшномъ бою при Арно...

III.

Такъ сидѣлъ онъ недвижно и безмолвно,
Долго или нѣтъ—онъ не сознавалъ этого.
Въ его головѣ, какъ подстрѣленная черная птица,
Билась одна горькая и жестокая дума,
Дума о мести, о кровавой мести за свой позоръ;
Передъ его глазами, пристально, съ дикимъ выраженіемъ,
Остановившимися подъ сдвинутыми бровями,
Мелькалъ одинъ, одинъ образъ:
Прекрасное лицо съ загадочно-ласковой улыбкой,
Съ бѣлыми покатыми плечами и бѣлой тонкой шеей,
Съ золотистыми завитками волосъ около розовыхъ ушей,
Съ кроткимъ и покорнымъ взоромъ подъ темными рѣсницами...

«Она умретъ, она должна умереть» —
шепталъ старый герцогъ
Подергивавшимися судорожно, горячими губами:
«Безстыдная, распутная венеціанка—
Она умретъ, она должна умереть»...
Онъ очнулся отъ своей горькой и кровавой думы,
Услышавъ печальные звуки тихой пѣсни,
Раздавшейся вблизи, пѣсни, которую пѣла
Та, кому съ трепетомъ ревниваго бѣшенства
Онъ въ своихъ мысляхъ обвивалъ уже веревку
Вокругъ бѣлой, лебединой шеи.
Она пѣла такъ жалобно и грустно,
Что уже отъ одного ея печальнаго голоса
У него замерло жалостію сердце,
Она пѣла тихую, надрывающую пѣсню:

«Сжальтесь надъ моей душой,
Надъ моей блѣдной и рыдающей
душой,
Вы, трепещущіе во снѣ зеленымъ
шопотомъ
Наклоненные надъ серебряной волной
Серебряные листья ивы.

* * *

«Сжальтесь надъ моей душой,
Надъ моей блѣдной, рыдающей душой,
Вы, замирающія въ темносинемъ небѣ,
Озаренномъ серебрянымъ мѣсяцемъ,
Серебряныя кроткія звѣзды.

* * *

«Сжальтесь надъ моей душой,
Надъ моей блѣдной, рыдающей душой,
Вы, разлетѣвшіяся по лазури тучки,
Сквозь которыя глядитъ серебряный
мѣсяцъ
На спящую землю, облитую его серебрянымъ сіяніемъ.

* * *

*

«Сжальтесь надъ моей душой,
Надъ моею блѣдною, рыдающей душой,
Потому что она прощается съ жизнью,
Прощается навсегда съ серебряными грезами
Серебрянаго счастья любви»...

IV.

Въ воспаленныхъ, жестокихъ глазахъ стараго герцога,
Въ глазахъ, тусклые бѣлки которыхъ перерѣзывались кровавыми жилками,
Сверкнула слеза, ѣдкая, жгучая слеза:
Такъ мучительно-грустно звучала ея пѣсня...
Зачѣмъ она пѣла эту безнадежную пѣсню?
Было ли то предчувствіе молодого встревоженнаго сердца?
Была ли тоска истомы сладострастія,

Та сладостная и замирающая въ груди тоска,
Что всегда неразлучна съ женскою душою,
Упоенною тайной нѣгой и мукой любви?
Или быть можетъ въ темномъ молчанiи ночи
Въ блѣдно-влажномъ трепетанiи лучей мѣсяца,
Надъ безграннымъ моремъ, надъ дремотно улегшимся моремъ,
Въ траурныхъ тѣняхъ кипарисовъ, тѣснившихся кругомъ,
Какъ молчаливыя привидѣнiя, одѣтыя въ зеленые саваны,—
Во всемъ этомъ мистическомъ и роковомъ покоѣ
Спящей подъ туманнымъ пологомъ земли,
Молодой венецiанкѣ, съ золотистыми волосами,
Почуялось холодное вѣянье черныхъ крыльевъ смерти

И она невольно запѣла печальную
пѣсню,
Жалобу блѣдной, рыдающей души...
Она пѣла о послѣднемъ прощанiи,
о смерти,
А между тѣмъ ее влекло горячее
наслажденiе жизнью,
Потому что она прокралась въ паркъ
изъ заснувшаго дворца
На свиданiе съ своимъ любовникомъ.
Она шла къ тому гроту, гдѣ былъ
старый герцогъ,
Она шла, не зная и не предчув-
ствуя, что онъ вернулся,
Что онъ сидитъ тамъ, на мраморной
скамьѣ,
Съ неподвижными, суровыми глазами;
Она шла туда, потому что туда, въ
эту ночь,
Какъ и въ прошлыя сладкiя ночи,
долженъ былъ придти Астольфо.
Ея милый Астольфо съ молодымъ
радостнымъ лицомъ,

Съ ласковою улыбкою, зовущею къ
счастью,
Съ торопливыми, похожими на пре-
рывистую мольбу,
Словами любви и вздохами нѣги,
Съ гибкими сильными руками, кото-
рыми онъ обнималъ ее
Такъ крѣпко, что она задыхалась
И хотѣла умереть въ его объятіяхъ.

V.

Она шла по краю мраморной террасы,
Поднимавшейся надъ моремъ, спав-
шимъ внизу
Подъ серебрянымъ узорнымъ покры-
валомъ,
Наброшеннымъ влюбленнымъ мѣся-
цемъ,
Который задумчиво любовался на
сонное колыханье волнъ.
Она шла легкими, хотя боязливыми
шагами

И рѣзкія синія тѣни отъ балюстрады
террасы
Перебѣгали полосами по складкамъ
серебристаго атласа,
Колебавшимся около ея стройныхъ
колѣнъ,
И по голубымъ башмачкамъ съ про-
рѣзами,
Открывавшими золотистую ткань чул-
ка.
Она шла — и по гладкимъ мрамор-
нымъ плитамъ
Съ тихимъ шелестомъ, похожимъ на
шипѣніе змѣи,
Скользилъ шелковый шлейфъ ея
платья;
Она шла, наклонивъ нѣжную, пре-
лестную голову
Съ золотисто-пепельными волосами
И высокій воротникъ, вышитый бле-
стящимъ жемчугомъ
Поднимался у ея затылка, какъ буд-
то обнимая ея шею,
Тонкую и бѣлую, точно шея лебедя;

Ея стройный станъ былъ перетянутъ кушакомъ,
Съ сверкающими, какъ кровь, крупными рубинами;
Ея прекрасная, нѣжная грудь, встрѣчая серебряные лучи мѣсяца,
Падавшіе на нее съ трепетной лаской,
Поднималась и опускалась подъ прозрачнымъ кружевомъ;
Съ высокихъ пьедесталовъ балюстрады
Вслѣдъ ей, сіяя нагими плечами и руками
Смотрѣли стройныя мраморныя нимфы
И курчавые, толстогубые фавны
Лукаво и плутовски улыбались, съуживая бѣлые глаза...
Такъ, похожая на задумчивую богиню ночи,
Облитую сіяніемъ небесныхъ свѣтилъ,
Она вступила подъ молчаливую сѣнь грота

И, поднявъ длинныя рѣсницы большихъ глазъ,
Взглянула туда, гдѣ бѣлѣла мраморная скамья,
Поддерживаемая крылатыми грифонами;
Увидѣвъ темную, высокую фигуру,
Которая быстро приподнялась при ея входѣ,
Она тихо ахнула въ обманчивой радости
И, порывисто протянувъ бѣлыя руки,
Страстно прошептала: «Астольфо»!..

VI.

Золотой мѣсяцъ скрылся за скалами,
Потомъ наступила черная мгла,
Молчаливая и пугающая мгла уходящей ночи,
Потомъ сѣрый, туманный и колеблющійся разсвѣтъ
Поползъ въ гротъ угрюмо и медленно,

Какъ будто онъ боялся заглянуть
туда;
При его дрожащемъ, пугливомъ мерцаніи
Блеснула тусклымъ пятномъ на мозаичномъ полу
Кровавая лужа, откинутая блѣдная
рука
Съ тонкими скорченными пальцами
Унизанными драгоцѣнными перстнями,
Золотистые разметавшіеся волосы
Съ жемчужною нитью и струей крови
Застывшей на разсѣченномъ о мраморъ вискѣ,
Открытые съ дикимъ ужасомъ и мукою глаза
Съ неподвижными стеклянными зрачками,
Въ складкахъ разорваннаго кружева
на обнаженной груди
Рукоятка кинжала съ чеканными
арабесками,

*

Маленькая нога въ голубомъ башмачкѣ,
Съ странно изогнутымъ колѣномъ,
Высунувшаяся изъ подъ завернувшагося атласа,
Разстегнутая подвязка съ бриліантовой пряжкой,
И зеленые, спутанные листья плюща,
Печально свѣсившіеся къ мраморному полу,
Залитому красною, лоснящеюся кровью...
Смотря съ ужасомъ и тоской въ открытые глаза трупа,
Опустивши безсильно старыя руки,
Стоялъ такой же блѣдный и неподвижный трупъ—
Старый герцогъ и шепталъ поблекшими губами
Безумныя, дикія слова горя,
Подлаго горя преступленія...

QUASI UNA FANTASIA FUNEBRA

I.

Когда я ѣлъ кровавый ростбифъ
И сочные бифштексы—
Мнѣ снились грѣшные сны,
Веселые сны жизни.

Но съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался
Кроткимъ вегетаріанцемъ
И питаюсь только горошкомъ и ри
сомъ—
Мои сны стали благочестивы.

Они стали такъ благочестивы,
Какъ и мои размышленія

О бренности всего земного
И о близости могилы.

Да, я часто размышляю теперь:
Боже милосердый! какъ быстро
Увядаютъ молодость жизни,
Всѣ ея желанія и наслажденія.

То, что весело и радостно,
Живетъ одно мгновенье,
А что скучно и скорбно—
Несравненно прочнѣе.

Розы умираютъ, едва успѣвъ раз-
цвѣсть,
А кипарисъ, символъ горя и не-
счастья,
Прозябаетъ даже и зимою
И блеститъ темной зеленью...

Послѣ такихъ праведныхъ размыш-
леній
Не мудрено увидѣть сонъ,
Подобный тому, что приснился
Мнѣ прошедшей ночью.

II.

Мнѣ приснилось, что пришелъ ко-
нецъ
Нашей доброй и милой землѣ,
Что съ занявшагося полымемъ неба
Прозвучала послѣдняя труба архан-
гела.

Услышавъ звуки этой трубы,
Совершенно новые для меня,
Которыхъ я не слыхалъ ни въ од-
номъ оркестрѣ,
Я немножко испугался;

Испугался въ своей могилѣ,
Гдѣ я пролежалъ не знаю сколько
времени,
Но должно быть довольно,
Потому что отъ меня остался только
скелетъ.

Испугъ разбудилъ сначала меня,
А потомъ я принялся будить

Моихъ сосѣдей на кладбищѣ
И надоѣдать имъ разспросами

О томъ, куда дѣвался мой черепъ,
Такъ какъ я былъ безъ головы:
«Добрые люди, скажите мнѣ,
Скажите, кто изъ васъ унесъ мою
голову?»

Это была сначала молодая голова,
Я забывалъ ее иногда на колѣняхъ
Разныхъ милыхъ брюнетокъ
И очаровательныхъ блондинокъ.

Но все-таки забывалъ только на время.
А потомъ опять носилъ на плечахъ,
Съ гордостью оглядывая землю
И даже съ вызовомъ обращаясь къ
небу.

Затѣмъ моя голова посѣдѣла
И хотя въ ней не прибавилось моз-
гу,—

Напротивъ, мозгъ началъ высыхать,
Но я все-таки считалъ, что она ста-
ла умнѣе.

Я думалъ такъ потому,
Что изъ моей головы улетучились меч-
танія
О разныхъ высокихъ и прекрасныхъ
вещахъ,
Каковы любовь, счастіе, человѣче-
ство.

И взамѣнъ этихъ мечтаній
Я пріобрѣлъ положительныя правила,
Примиряющія съ жизнью
И удобныя для тихаго существованія.

Какъ бы тамъ ни было,
Худа ли была моя голова сначала,
Хороша ли она была потомъ—
Но все-таки я былъ съ головою;

А теперь у меня ее кто-то укралъ
И какимъ же образомъ безъ головы

Я приду на послѣдній судъ:
Безъ головы нельзя признать человѣка.

Если бы еще я былъ въ мундирѣ
И могъ надѣть на шею крестъ,
Или черезъ плечо ленту:
Тогда бы и безъ головы меня

Признали въ нѣкоторомъ родѣ особою,
Дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ,
Кавалеромъ тѣхъ самыхъ орденовъ,
Которыми я былъ украшенъ.

Но такъ какъ я долженъ изъ мертвыхъ
Возстать совершенно голымъ,
То мое положеніе не только затруднительно,
Но даже чортъ знаетъ какое положеніе!»

III.

Мои сосѣди по кладбищу
Чрезвычайно были удивлены
Необыкновеннымъ пассажемъ,
Приключившимся со мною.

У нихъ у всѣхъ, какъ почтенныхъ
мертвецовъ,
Спокойно лежавшихъ въ своихъ могилахъ
И возставшихъ теперь въ день суда—
У нихъ у всѣхъ были на плечахъ
головы.

Правда очень скверныя головы
Съ провалившимися дырами вмѣсто
глазъ и носа,
Съ выдающимися челюстями, въ которыхъ
Щелкали зубы, у иныхъ сгнившіе
еще при жизни.

*

Но они тѣмъ не менѣе гордились
Даже этими скверными головами
И важно вздергивали ихъ,
Прислушиваясь къ звукамъ трубы
архангела.

И никто изъ этихъ обладателей
Скверныхъ, истлѣвшихъ череповъ
Долго не могъ мнѣ ничего объяснить,
Куда дѣвалась моя голова.

Наконецъ, изъ толпы мертвецовъ
Выступилъ маленькій скелетикъ
Съ кривыми берцовыми и голенными
костями,
На которыхъ однако же онъ дер-
жался очень надменнно.

«Если не ошибаюсь—сказалъ онъ въ
носъ—
Вы поэтъ Vittorio Decadenti:
Я васъ узналъ по голосу,
Хотя у васъ и нѣтъ головы.

Вашу голову похитилъ я,
Такъ какъ у меня не было собствен-
ной,
Не было отъ природы:
Я родился безъ головы.

Вмѣсто головы я имѣлъ на плечахъ
Круглый и крѣпкій футляръ,
Набитый сухой трухою
Вздорныхъ фразъ и пустыхъ претен-
зій.

Этою трухой я наполнялъ статьи,
Которыя писалъ о васъ
Въ либеральныхъ журналахъ
Въ качествѣ критика вашихъ произ-
веденій.

Когда я умеръ, меня похоронили
около васъ
И, пользуясь близкимъ сосѣдствомъ,
Я взялъ у васъ вашу голову
Немножко раньше чѣмъ вы воскре-
сли».

«Вы сдѣлали это напрасно—
Отвѣтилъ я моему критику—
Такъ какъ моя голова не подойдетъ
Къ позвоночному столбу дурака».

Проговоривъ эту любезность критику,
Я протянулъ руку къ своей головѣ
И, взявъ ее, приставилъ къ соб-
ственнымъ плечамъ
И... проснулся съ тяжелой головою..

ГОЛУБЫЕ ЗВУКИ

ПѢСНИ ВЕСНЫ.

Прологъ.

Пѣсня жаворонка трелью
Огласила небосводъ.
То герольдъ весны: трубитъ онъ
Золотой ея приходъ.

На зарѣ весну я видѣлъ:
Изъ зеленой рощи къ намъ
Шла царица, улыбаясь
Ей кивающимъ цвѣтамъ.

Шла въ вѣнкѣ изъ незабудокъ
Розъ струившихъ ароматъ,

И алмазными звѣздами
Голубой блестѣлъ нарядъ.

Мотыльки-пажи на крыльяхъ
Въ ярко-радужной пыли
Длинный шлейфъ своей царицы
Съ дѣтской гордостью несли.

Вслѣдъ за ними штатъ придворный
Безконечнымъ строемъ шелъ:
Тамъ жужжали вереницы
Рѣзвыхъ фрейлинъ мухъ и пчелъ.

Тамъ, носы поднявши гордо,
Шеи вытянувши, шли
Кавалеры-камергеры
Кулики и журавли.

I.

Бездонна, свѣтла и лазурна
Небесъ опрокинута урна,
И яркими звѣздами полны
И небо, и сонныя волны,

И, сладкой дремотой томимы,
Съ алмазной росой діадимы
Склонили уснувшія розы
И видятъ душистыя грезы.

II.

Ожиданье.

Assez dormir, ma belle
Alfred de Musse

Не томи меня жестоко
Мукой страстной безъ конца!
Я пришелъ съ зарей востока
И стою здѣсь одиноко
У знакомаго крыльца.

* * *

Скоро ль, ручкою несмѣлой
Дверь тихонько отворя,
Предо мной въ одеждѣ бѣлой
Ты предстанешь какъ заря,
Вся стыдомъ любви горя?

* * *

Милый другъ въ покоѣ сонномъ
Даромъ утра часъ идетъ...
Подъ дыханьемъ благовоннымъ
Шелестя шатромъ зеленымъ,
Сѣнь деревъ въ саду насъ ждетъ.

* * *

Въ золотомъ сіяньи утра
Ярко блещутъ небеса,
И свѣтлѣе перламутра
На цвѣтахъ дрожитъ роса.
Пробудись, моя краса!

* * *

Я склоняю здѣсь колѣни,
Ожиданіемъ томясь;
Внявъ словамъ моихъ моленій,
Съ вереницей сновидѣній
Ты разстанься въ этотъ часъ!

* * *

Ткани полога шелковой
Распахнувши полутѣнь,
Въ бѣлоснѣжные покровы
Грудь лилейную одѣнь
И явись какъ ясный день!

II.

Кушай, ангелъ мой, редиску:
То весны святой продуктъ;
Онъ, слегка натертый солью,
Превосходитъ всякій фруктъ.
Какъ въ тебѣ, моя малютка,
Въ чувствѣ пламенномъ твоемъ,
Жизни новой, жизни юной
Свѣжій сокъ таится въ немъ.
Насладишься имъ, и долго,
Будто прошлаго отсвѣтъ,
Душу изрѣдка щекочетъ
Наслажденья горькій слѣдъ.

IV.

Парисъ.

Плещутъ, полныя свободы,
Волнъ эгейскихъ хороводы
Вкругъ дарданскихъ кораблей,
Что, изъ чуждаго имъ края,
Даръ Киприды увлекая,
Мчатся къ родинѣ своей.

* * *

Въ ихъ семьѣ, веселья полный,
Разрѣзая гордо волны,
Краше всѣхъ одинъ блеститъ;
На кормѣ его высокой
Сынъ Пріама черноокой
Съ Аргивянкою сидитъ.

* * *

Тканью пурпурной обвита,
Хороша какъ Афродита
Блескомъ юнаго лица,
То влюбленная Елена

Преклонилась на колѣна
Молодого пришлеца.

* * *

И цѣлуетъ онъ счастливый
Солнца яркаго отливы
Въ мягкихъ локонахъ у ней,
И съ нея не сводитъ взгляда
И поетъ ей какъ цикада
Счастье юности своей:

* * *

«Перлъ семьи царя Тиндара!
Знай, любви твоей какъ дара
Я давно отъ неба ждалъ:
Онъ завѣщанъ отъ Киприды
Въ дни когда въ ущельяхъ Иды—
Пастырь юный—я блуждалъ.

* * *

«Тамъ въ родной моей долинѣ
Мнѣ явились три богини,
Разрѣшить прося ихъ споръ;
Мнѣ одна сулила славу,

Царства сильнаго державу,—
Не склонился къ ней мой взоръ.

* * *

«И прельщала, обѣщая
Мудрость вѣщую, другая:—
Этотъ даръ отвергнулъ я.
Пожелалъ у третьей взять я
Красоты-любви объятья—
И теперь она моя!»

* * *

И она съ улыбкой внемлетъ
И въ его объятьяхъ дремлетъ,
Преклонившись головой;
Онъ съ нея не сводитъ взгляда
И поетъ ей какъ цикада
Нѣгу страсти молодой.

* * *

И шумятъ, полны свободы,
Волнъ эгейскихъ хороводы
Вкругъ дарданскихъ кораблей,
Что, изъ чуждаго имъ края

Даръ Киприды увлекая,
Мчатся синихъ волнъ быстрѣй!

V.

Князь NN., его супруга,
Я, Жанъ Котиковъ, Мими—
Всѣ летимъ мы кавалькадой,
Ловко правя лошадьми.

У княгини подъ вуалью
Сладострастно блещетъ взоръ,
И на всемъ скаку ведемъ мы
Интересный разговоръ:

— Отчего я, какъ мужчина,
Не могу верхомъ сидѣть!
-- Оттого, что панталоны
Вамъ тогда-бъ пришлось надѣть.

— Что жь такое? Панталоны
Изобрѣлъ великій умъ:
Своему предназначенью
Отвѣчаетъ сей костюмъ.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами,
Но... —Пожалуста безъ но!
Все пустыя предразсудки...
И досадно и смѣшно!

VI.

Темнымъ сводомъ сомкнувшись надъ
нами,
Шелестятъ золотыя акаціи,
И меня обвила ты руками,
Полна граціи.

Свѣтъ луны серебристыми пятнами
Палъ на плечи твои обнаженныя,
Полны звуками, сердцу понятными,
Колыхаются листья зеленые.

Закатились назадъ кудри пышныя,
И уста, удержаться не властныя,
Шепчутъ трепетно рѣчи чуть слыш-
ныя,
Поцѣлуи прервавъ сладострастные..

Темнымъ сводомъ сомкнувшись надъ
нами,
Шелестятъ золотыя акацiи,
И меня обняла ты руками,
Полна грацiи.

VII.

Изъ прошлаго.

Вспомнилась мнѣ ночь...
Дремалъ роскошный садъ. Въ лазури ясной
Горѣли звѣзды свѣтомъ голубымъ,
Изъ неба ихъ кристальные лучи
Лились на землю, обнимая страстно
И розы яркiя и блѣдныя лилеи,
И ароматъ ихъ сладостный впивали.
Въ травѣ мерцали свѣтляки и трели
Кузнечиковъ немолчныя звенѣли...
Блѣденъ
Былъ ликъ твой милый, озаренъ лучемъ
Луны печальной... И дрожали слезы

Въ очахъ склоненныхъ долу, и рука
Холодная въ моей рукѣ дрожала....
Я предъ тобой склонился на колѣни
И плакалъ я о счастьи улетѣвшемъ,
О счастіи божественной любви!
Безъ слезъ я плакалъ, какъ безум-
ный, взоръ
Остановивши на лицѣ твоемъ;
Безъ слезъ я плакалъ: замирали
слезы
Въ очахъ и въ грудь вливались, и въ
груди
Мнѣ сердце жгли...
Съ послѣднимъ поцѣлуемъ
Приникла ты ко мнѣ, и въ то мгно-
венье
По небу голубому покатилась
Падучая печальная звѣзда.
И ты, взглянувши на нее, съ тоскою
Сказала мнѣ: «Исчезло наше счастье,
Какъ та звѣзда!» и горько зары-
дала...
И разошлись мы...

VIII.

Я пришелъ къ тебѣ поутру,
Легкимъ кутаясь халатомъ,
Разсказать, что мы жаркое
Нынче будемъ ѣсть съ салатомъ!
Разсказать, что отовсюду,
Парника усыпавъ гряды,
Огурцовъ зелено-сочныхъ
Вышли юные отряды!

IX.

А я мечталъ: въ деревнѣ мы съ тобой
Въ прогулкѣ дружеской идемъ рука
съ рукой;
Кругомъ тепло и зной. Сквозь листья
яркой сѣткой
Лучъ солнца падаетъ на свѣжую траву;
Деревья спятъ, лишь вѣтку вслѣдъ
за вѣткой
Ласкаетъ тихо вѣтеръ. И живу
Я счастіемъ, и страсти лихорадка
Мнѣ сердце обняла и пламенно и
сладко.

И, устремивъ въ твое лицо свой
взглядъ,
Я слушать голосъ твой, безумно слу-
шать радъ,
И слѣдъ живыхъ и пылкихъ впе-
чатлѣній
Ловить въ твоихъ глазахъ и томно-
сти движеній,
И руку блѣдную въ своей сжимать
порой...
Увы! все это сонъ!..
Ты ѣдешь, и съ собой
Уносишь все!.. Прощай. Не разрѣ-
шай вопросъ
Когда увидимся, и этихъ горькихъ
слезъ
Не замѣчай. Но молча дай мнѣ руку
На долгую, на грустную разлуку!

X.

Отъ зари до полуночи
У меня одно мечтанье
Все о томъ, что я чахоткой
Въ маѣ мѣсяцѣ скончаюсь.

О, какъ это интересно!
Я лежу больной и блѣдный,
Взоръ горячешнымъ сіяньемъ,
Взоръ слезою смерти блещетъ.

На щекахъ горитъ румянецъ;
Въ тотъ болѣзненный румянецъ
Молодая жизнь выходитъ,
Часъ отъ часу угасая.

Я томлюсь, я умираю,
А въ открытое окошко
Ярко блещетъ, сладко вѣетъ,
Свѣтъ весны, весны дыханье.

И въ струяхъ его цѣлебныхъ
Столько свѣжести, прохлады:
Столько грезъ любви напомнилъ
Онъ тоскующему сердцу.

Онъ ему напомнилъ сладко
Золотыя ночи мая,
Золотыя звѣзды неба,
Соловья ночныя трели

Онъ напомнилъ нѣжный лепетъ,
Шелестъ шелковаго платья,
Поцѣлуи, поцѣлуи,
И безумныя объятья...

О весна! не лей мнѣ пѣсенъ
Въ этихъ звукахъ ароматныхъ,
Пѣсенъ счастья, пѣсенъ жизни,—
Я на вѣкъ прощаюсь съ нею!

XI.

Греза.

Мнѣ снилось: роскошная зала
Въ лучахъ серебристаго свѣта
Богато и пышно сіяла,
И музыка сладко звучала
Дрожащей мелодіей гдѣ-то.

Въ той залѣ головку склоняя,
Стояла, исполнена муки,
Малютка моя дорогая,
И я, безнадежно рыдая,
Лобзалъ ея блѣдныя руки.

Шептала она мнѣ съ тоскою:
«Лишь сонъ обойметъ тебя сладкій,
Лишь ночь низойдетъ надъ землею,
Къ тебѣ прихожу я съ тобою
Дѣлить наслажденье украдкой»...

Эпилогъ.

Нынче я съ весной прощался.
Говорила мнѣ весна:
«О, поэтъ! любить довольно,—
Для того ль намъ жизнь дана?

Полюби ты знойнымъ лѣтомъ
Нѣгой дышащую лѣнь:
Съ ней въ деревнѣ иль на дачѣ
Наслаждайся цѣлый день.

Слушай только мухъ жужжанье
И одинъ лишь вѣдай трудъ:
Для спасенія отъ жара
Окунай свой корпусъ въ прудъ.

Вплоть до осени дождливой
Проваляйся—и тогда
Встань, пророкъ, и смѣло шествуй,
Просвѣтленный, въ города!

Подъ вліяніемъ ненастья
Скорбь гражданскую внутри
Ощути—и на отчизну
Грустнымъ взоромъ посмотри.

Крикни голосомъ Марата
На страницахъ всѣхъ газетъ,
Напиши сто желчныхъ критикъ
И пятьсотъ одинъ памфлетъ!»

БѢЛЫЯ ПОЭМЫ

МАВРИТАНКА.

I.

Насталъ вечеръ, спустился ночной туманъ, засіялъ золотой мѣсяцъ, а народъ все продолжалъ веселиться на берегу моря. Вдругъ веселье смолкло и всѣ стали смотрѣть на зàмокъ, на рѣзной балконъ высокой башни, всѣ старались разглядѣть прекрасную волшебницу-мавританку съ заколдованными темно-синими глазами.

II.

Она стояла, положивъ на перила балкона нѣжныя руки въ драгоцѣн-

ныхъ запястьяхъ и перстняхъ, она откинула бѣлое покрывало отъ блѣднаго лица. Вечерній вѣтерокъ колыхалъ ея черные вьющіеся волосы и они цѣловали ея молодую грудь, взволнованную печальными и страстными вздохами. Ея темно-синіе глаза глядѣли въ туманную даль, озаренную луной.

III.

— «Ахъ какая прелестная красавица, сказалъ донъ Рамиро:— ея лицо блеститъ, какъ лучи мѣсяца, ея синіе глаза горятъ какъ небесныя звѣзды, и никогда, никогда еще я не слыхалъ такихъ нѣжныхъ и страстныхъ вздоховъ. Клянусь моей жизнью, я войду въ башню! Не успѣетъ еще пробить полночь, прекрасная мавританка будетъ ласкатъ и цѣловать меня».

IV.

Тутъ всѣ стали жалѣть рыцаря.— «Не ходи, рыцарь, въ заколдованную башню, не губи своей христіанской души. Красавица, что прельстила тебя—злая язычница».—«Роза не бываетъ хуже оттого, что родилась на терніи, хорошее вино не бываетъ слабѣе оттого, что родилось на кривой лозѣ. Я пойду къ красавицѣ-мавританкѣ, я хочу насладиться ея любовью».—

V.

— «Не ходи, донъ Рамиро, пожалѣй себя, пожалѣй свою молодую жизнь. Многихъ добрыхъ и сильныхъ рыцарей погубила язычница. До полуночи усыпляетъ она своими ласками, а въ полуночный часъ убиваетъ во снѣ. Не ходи, молодой донъ Рамиро, въ заколдованную башню къ

прекрасной мавританкѣ».—«Нѣтъ она такъ мила и хороша, что я не могу совладать съ своимъ сердцемъ. Нѣтъ, я пойду къ ней насладиться любовью!»

VI.

На шелковыхъ узорныхъ подушкахъ лежала Морайма, когда храбрый донъ Рамиро пришелъ къ ней.—«Прекрасная мавританка, я хочу вашей любви».—Молодой рыцарь, моя любовь покупается цѣною смерти».—«Такъ это правда, что вы злая колдунья и усыпляете христіанскихъ рыцарей своими ласками, чтобы въ полуночный часъ убивать ихъ?»

VII.

— «Это правда, рыцарь, хотите ли вы и теперь моей любви?»—«Когда не дѣлается то, чего я хочу,—я хочу того, что дѣлается. Пусть мнѣ будетъ

тяжело умирать послѣ полуночи, за то теперь я испытаю удовольствіе».— Ея золотыя запястья зазвенѣли на смуглыхъ рукахъ, когда она обвила ими шею молодого Рамира, и жаркія губы обожгли его поцѣлуями, она страстно шептала «приди, приди!»...

VIII.

Пробило полночь, очнулся убаюканный ласками рыцарь. При яркомъ свѣтѣ лампады онъ увидѣлъ блѣдное лицо прекрасной мавританки, онъ взглянулъ въ ея темно-синіе заколдованные глаза. — «Морайма, возьми твой кинжалъ; Морайма, пришелъ условный часъ»... Она крѣпко, крѣпко прижала его голову къ своей груди, она поцѣловала его волосы, она улыбнулась печальною страстною улыбкою...

IX.

— «Твои ласки, рыцарь, такъ горячи и пріятны, ты полюбился мнѣ. Живи до восхода солнца, цѣлуй и ласкай меня. А съ восходомъ солнца я возьму твою жизнь за любовь»...— «Клянусь св. Іаковымъ, я радъ ласкать тебя до восхода солнца, потому что никогда не хотѣлось мнѣ такъ жить, какъ теперь, никогда не зналъ я съ женщиной большаго счастія»...

X.

Взошла заря, заиграло на небѣ свѣтлое солнце, очнулся убаюканный ласками рыцарь.—«Морайма, возьми твой кинжалъ; Морайма, пришелъ условный часъ»... Она приникла жаркими губами къ его губамъ, она обняла его дрожащими смуглыми руками, она хотѣла улыбкой отвѣтить на его горькія слова и не могла: изъ ея

темно-синихъ заколдованныхъ глазъ полились слезы...

XI.

— «Не могу я взять твою жизнь за любовь, я хочу взять твою любовь за жизнь. Останься со мной навсегда, милый рыцарь, будь моимъ супругомъ и повелителемъ. Твои поцѣлуи такъ сладки, твои ласки такъ горячи. Я люблю тебя, какъ никого еще никогда не любила, останься со мной!» Она упала передъ нимъ на колѣни, она глядѣла въ его глаза съ надеждой и боязнью, ея черные волосы разметались и бились по голымъ плечамъ.

XII.

— «Какъ же я останусь съ тобой на вѣки, какъ мнѣ быть твоимъ мужемъ и повелителемъ? Ты язычница—колдунья, а я христіанскій рыцарь? Если хочешь, чтобъ я любилъ

*

тебя, отрекись отъ твоихъ проклятыхъ языческихъ чаръ, будь христіанкой».—«Ахъ, я буду всѣмъ, чѣмъ ты повелишь, рыцарь, я буду твоей рабой, твоя любовь заставила меня забыть мои чары, все заставила меня забыть твоя любовь!»...

ОЛАФЪ И ЭСТРИЛЬДА.

«Кто онъ — сказалъ король Гаральдъ—кто тотъ пѣвецъ, чьи пѣсни раздались по всей Норвегіи? Эти пѣсни поетъ крестьянинъ за сохой, морякъ, распуская бѣлый парусъ на морѣ. Я часто слышалъ эти пѣсни на поляхъ битвъ: ихъ распѣвали рыцари, устремляясь на врага. Я хочу узнать, я хочу увидѣть этого пѣвца-волшебника, приведите его въ мой замокъ».

—

Король Гаральдъ сидѣлъ на своемъ золотомъ тронѣ. Къ нему при-

вели молодого Олафа, искуснаго пѣвца, крастьянскаго сына. Посмотрѣлъ Олафъ направо, посмотрѣлъ налѣво — кругомъ стояли толпой придворные въ блестящихъ цвѣтныхъ нарядахъ; они оглядывали пѣвца и шептались и смѣялись между собою.

Посмотрѣлъ молодой Олафъ на своего повелителя. Кто сидитъ тамъ на тронѣ, рядомъ съ королемъ, въ голубой одеждѣ, подобной небу? Это прекрасная Эстрильда, дочь короля. Она стройна и гибка, точно ель въ лѣсу, у нея лицо бѣлое, бѣлое какъ чистый снѣгъ. Точно золото развѣваются ея волосы и глубоки ея глаза, будто синее море.

Она не смѣялась и не шептала. Ея глубокіе, кроткіе глаза говорили: томится моя душа, тяжело мнѣ тутъ, среди окружающихъ меня, одѣтыхъ въ золото и шелкъ, пустыхъ людей.

Исцѣли мое больное сердце молодой пѣвецъ, исцѣли его своими волшебными пѣснями.

Молодой Олафъ ударилъ по струнамъ. Подобно орлу понеслась его пѣсня, полная силы. Онъ пѣлъ о солнцѣ, которое свѣтитъ міру, объ эльфахъ, пляшущихъ на цвѣтахъ въ благоухающую весеннюю ночь, о герояхъ стараго времени, сражавшихся въ бояхъ, объ ихъ честныхъ ранахъ и о благосклонности женщинъ, исцѣляющей раны.

Пѣснь его была дика, какъ бурный потокъ, пѣснь его была сладка, какъ нѣжное вѣяніе утра... Пѣлъ онъ и о любви, струящейся точно тихій, свѣтлый ручей изъ сердца въ сердце. Онъ посмотрѣлъ на прекрасную Эстрильду: она опустила голову и ея бѣлый лобъ покраснѣлъ, будто облитый блескомъ румяной зари.

Старый король Гаральдъ сказалъ радостно и дружелюбно: «Я вспомнилъ время, когда я былъ молодъ. Я плылъ тогда на кораблѣ Викинговъ. Подо мною были волны, надъ головою моею небесный сводъ»... И онъ протянулъ могучую руку и ударилъ по рукояткѣ своего широкаго меча. «За все это благодарю тебя, молодой Олафъ. Что ты любишь, чего хочетъ твое сердце—все я дамъ тебѣ за твою пѣсню».

—

Пѣвецъ поглядѣлъ направо, поглядѣлъ налѣво. Его не прельстили ни жемчугъ, ни золото, ни драгоцѣнности. Гдѣ сіяли двѣ синихъ звѣзды—туда глядѣлъ онъ. Видѣлъ онъ предъ собою только одни глаза прекрасной Эстрильды, видѣлъ онъ ея грудь, подобную волнующемуся морю, видѣлъ ея прелестное лицо, горящее какъ въ огнѣ.

—

Тогда затрепетало его молодое сердце, тогда сдѣлалось ему такъ радостно, и сладко. «Ты властитель народа и страны, одно слово изъ твоихъ устъ даетъ богатства и почести. Не надо мнѣ богатства и почестей. Прекрасная Эстрильда—единственное желаніе моего сердца».

Едва вымолвилъ пѣвецъ свое искреннее слово, съ шумомъ вскочили съ мѣстъ придворные. «Вонъ изъ дворца, презрѣнный бродяга!» вскрикнули они. Король Гаральдъ всталъ съ своего блестящаго трона. «Не требуй, молодой Олафъ, моей дочери, возьми богатство, возьми почести».

Молодой Олафъ печально склонилъ голову. «Ты спросилъ про мое сердечное желаніе, я сказалъ его, я тебѣ повѣрилъ, король!» Онъ взглянулъ на прекрасную Эстрильду: она

была блѣдна, какъ майскій цвѣтокъ, покрытый снѣгомъ.

—

Онъ взялъ свою арфу и, печально потупивъ взоръ, вышелъ изъ залы. Никто не послѣдовалъ за нимъ, кромѣ его горя. Покрывая мракомъ землю, спускалась ночь. Огни потухли въ королевскомъ замкѣ. Прекрасная Эстрильда легла на ложе. И не могла она заснуть и все думала о своемъ горѣ.

—

Тамъ, внизу, около башни, изъ кустовъ доносилась пѣсня. То не былъ голосъ соловья, то былъ иной голосъ. Вскочила съ своего ложа прекрасная Эстрильда, затрепетало ея сердце отъ печальныхъ звуковъ, что на крыльяхъ ночи влетѣли въ окно ея комнагы.

—

Волшебной силой были полны тѣ звуки, темны какъ ночь были тѣ

звуки, тяжелы как тоска отчаянья. Надрывали они сердце любовію и страданіемъ. Только тотъ, кто любилъ, могъ спѣть такую пѣсню. Кто разъ слышалъ эту пѣсню—не могъ позабыть ее никогда, никогда.

—

Смолкала пѣсня, замирала въ ночной темнотѣ пѣсня, какъ будто маня за собою въ даль. Такъ манитъ бѣлый парусъ, исчезающій въ туманѣ голубого моря... Послѣдній, тихій и грустный зовъ пѣвца долетѣлъ въ окно башни... «Ты прощай, мечта моего сердца, молодой Олафъ, прощай, прощай!»

—

Пришла зима и покрыла бѣлымъ снѣгомъ землю. Говоритъ король Гаральдъ своей дочери, своей прекрасной Эстрильдѣ: «Куда дѣвался румянецъ твоихъ щекъ? Когда вѣтеръ юга подуетъ съ горъ, снова зацвѣтетъ твое лицо, какъ вешняя роза».

— *

Зима прошла, наступила весна. Зазеленѣли горы, засверкали веселымъ, серебрянымъ блескомъ ручьи и рѣки, зацвѣли розы. Все ожило и исполнилось радостью и любовью. Но щеки прекрасной Эстрильды были блѣдны и въ ея печальныхъ синихъ глазахъ не было жизни...

Король Гаральдъ сидѣлъ на своемъ золотомъ тронѣ. «Кто выпилъ кровь изъ сердца моей Эстрильды, кто отравилъ мое дитя горемъ? Скажите мнѣ, гдѣ молодой Олафъ? Пусть снова онъ придетъ въ мой замокъ, снова запоетъ свои чудныя пѣсни, снова очаруетъ меня воспоминаніями о прошломъ и освободитъ мое сердце отъ горя и старости».

Вошелъ воинъ, увѣшанный оружіемъ сѣверной страны. Лицо его было черно отъ солнца и вѣтровъ пустыни. И сказалъ воинъ королю Гаральду:

«молодой Олафъ—онъ не воротится, никто, никто больше не увидитъ молодого Олафа.

—

«Онъ не пройдетъ черезъ Норвегію со своей арфой, скитаясь изъ одного мѣста въ другое. Ни крестьянинъ, ни морякъ, ни король не услышатъ болѣе его пѣсенъ. Тамъ, гдѣ солнце сжигаетъ желтые пески пустыни, тамъ, гдѣ растетъ пальма, тамъ успокоился навѣки молодой Олафъ.

—

«Это было вечеромъ, это было у сѣрыхъ скалъ, гдѣ катился свѣтлый ручей. На скалахъ укрѣпились сарацины, а внизу стояли рыцари. Тамъ пропѣлъ свою послѣдню пѣсню молодой Олафъ. Кто слышалъ ту пѣсню, тотъ знаетъ, что такое слезы, тотъ не позабудетъ этой пѣсни никогда, никогда».

—

«Сарацинъ сошелъ съ сѣрыхъ скалъ и сказалъ рыцарямъ: «Завтра мы будемъ биться въ жестокой битвѣ; но сегодня дайте мнѣ услышать бѣлокураго пѣвца; онъ похожъ на печальнаго и добраго пророка, потому что поетъ о страданіяхъ человѣка».

—

«Молодой Олафъ пропѣлъ свою пѣсню, онъ повернулъ свое блѣдное лицо въ ту сторону, гдѣ сѣверная звѣзда сіяла съ холодной высоты. «Ты далекая дочь короля, ты мечта моего умирающаго сердца, ты прекрасная Эстрильда, прости!»

—

Старый король Гаральдъ склонилъ свою сѣдую голову. «Гдѣ лежитъ онъ, гдѣ зарыли вы молодого Олафа?»—«Спроси объ этомъ у вѣтровъ пустыни, которые развѣяли вмѣстѣ съ песками его локоны, спроси объ этомъ у шакаловъ: они скажутъ тебѣ».

—

Прекрасная Эстрильда прижала блѣдную руку къ своей груди: такъ больно замерло ея сердце. «Я знаю мѣсто, гдѣ покоится молодой Олафъ: оно здѣсь». Она обняла своего отца, слеза медленно скатилась по ея щекѣ, она поникла головой, сладко улыбнулась и умерла...

СИЛЬВАНИНА.

I.

Герцогиня призываетъ молодую, стыдливую Сильванину. Суровымъ взглядомъ оглядѣвъ съ ногъ до головы дѣвушку, герцогиня говоритъ ей грозно и настойчиво, сама краснѣя въ лицѣ.—«Такъ это правда?» говоритъ она.

И въ смущенiи потупивъ голубые глаза, вся вспыхнувъ точно розовая заря, молодая и прекрасная Сильванина тихо лепечетъ: «Ахъ, простите, простите меня, герцогиня»...

— «Кто же виновникъ вашего стыда? Съ кѣмъ покрыли вы позоромъ и себя и честный нашъ дворъ? Признавайтесь во всемъ, признавайтесь сейчасъ же и безъ утайки».

— «Лучше возьмите жизнь мою, герцогиня... Но на землѣ никто никогда не узнаетъ объ этомъ»...—«Мы увидимъ, преступная дѣвушка», гнѣвно молвила герцогиня.

II.

— «Герцогъ, супругъ мой, у насъ при дворѣ случилось дурное и позорящее дѣло».—«Что такое, герцогиня моя супруга, скажите мнѣ скорѣе, чтобы избавить мою душу отъ великаго безпокойства».

— «Въ нашей свитѣ есть молодая дѣвица Сильванина»...—«Та, что красотою и скромностію нрава превосходитъ всѣхъ красавицъ двора и возбуждаетъ общее удивленіе и восхищеніе»?

— «Вы правы, герцогъ. Только, къ нашей печали, оказалось, что ея скромный нравъ былъ обманомъ. Сильванина потеряла свою скромность и отдалась пороку и соблазну».

— «Извѣстенъ ли вамъ соблазнитель невинности?» — «Нѣтъ, мой супругъ, Сильванина не хочетъ сказать имя того, кто безчестно опуталъ ее сладкимъ грѣхомъ». — «Успокойтесь, герцогиня, мы узнаемъ имя этого человѣка».

III.

Герцогъ далъ приказъ собраться всѣмъ молодымъ придворнымъ кавалерамъ. Когда кавалеры собрались въ большой залѣ дворца, украшенной золотомъ и гербами, герцогъ торжественно вышелъ въ мантіи и цѣпи.

— «Одинъ изъ васъ нанесъ оскорбленіе нашему двору, обольстивъ молодую дѣвицу герцогини. Преступ-

леніе это заслуживало бы строгаго наказанія; но я знаю слабость и испорченность человѣческой легкомысленной природы.

— «Я прощаю преступленіе тому, кто его сдѣлалъ, даю въ томъ мое герцогское слово. Но пусть соблазнитель самъ назоветъ себя, пусть онъ немедленно и откровенно признается въ своемъ проступкѣ.

— «Такъ какъ соучастница преступленія хорошенькая и добрая дѣвушка, то онъ долженъ загладить свой грѣхъ женитьбой на ней. Я же съ своей стороны позабочусь о богатомъ приданомъ невѣстѣ и о будущей судьбѣ молодыхъ».

IV.

Двѣнадцать молодыхъ кавалеровъ свиты выступили впередъ и объявили себя виновными.—«Какъ! воскликнулъ въ изумленіи герцогъ—я

*

думалъ найти одного преступника, а ихъ оказывается цѣлая дюжина!

«Неужели та, которой скромность была образцомъ для всѣхъ придворныхъ дѣвицъ, неужели Сильванина имѣла двѣнадцать любовниковъ? Клянусь честью, это не слыханно ни при одномъ христіанскомъ дворѣ!»

— «Простите, государь — сказалъ первый изъ молодыхъ кавалеровъ— но ту, съ кѣмъ я готовъ покрыть грѣхъ свадьбой, зовутъ не Сильваниной: ея имя Марія». — «А имя моей — Изабелла», сказалъ второй кавалеръ. — «Мою зовутъ Алиса», отозвался третій.

И такимъ образомъ всѣ двѣнадцать назвали имена своихъ возлюбленныхъ, но между этими именами не было Сильванины. Герцогъ выслушалъ признаніе кавалеровъ съ благосклонностью и веселіемъ.

V.

— «Такъ какъ мы дали свое герцогское слово, то мы надѣлимъ приданымъ двѣнадцать невѣстъ и сыграемъ двѣнадцать свадебъ при нашемъ дворѣ. Счастливые женихи могутъ объявить объ этомъ своимъ невѣстамъ и удалиться».

Когда придворные ушли, герцогъ обратился къ своему старому сѣдому совѣтнику.—«Ты слышалъ, Просперо, у насъ оказалось двѣнадцать мужей для двѣнадцати придворныхъ дѣвушекъ. Но я не нахожу тринадцатаго для Сильванины, а ей то онъ и нуженъ больше всего.

— «Какъ ты полагаешь, кто соблазнилъ скромную Сильванину, если среди нашихъ кавалеровъ не нашлось виноватаго»?—«Не знаю, государь». — «Подумай: ты мудрѣйшій изъ моихъ совѣтниковъ». — «Ничего

не могу придумать въ такомъ дѣлѣ, государь». — «Ну такъ я скажу за тебя: коли не я, такъ навѣрно ты».

«Если Сильванину соблазнилъ я, то мнѣ и слѣдовало бы жениться на ней. Но я не могу этого сдѣлать, потому что женатъ. Ты же свободенъ и притомъ старъ: поэтому твой долгъ повелѣваетъ тебѣ сдѣлаться мужемъ Сильванины».

—

— «Государь — сказалъ старый Просперо черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы—у моей жены Сильванины родился сынъ. Что всего удивительнѣе — онъ походитъ не на меня, а на васъ». — «Это оттого, смѣясь отвѣтилъ герцогъ, что благодаря моей справедливости онъ имѣетъ законнаго отца. Мы радуемся твоему счастью и желаемъ быть крестнымъ твоего сына».

ИНФАНТА.

I.

Блѣдная, точно увядшій цвѣтокъ, плакала и горевала инфанта. Ей было отчего горевать и плакать: отецъ позабылъ выдать ее замужъ. Король увидалъ ея слезы, король узналъ о ея печали. «Что съ тобою, моя милая дочь? О чемъ ты тоскуешь, зачѣмъ ты тоскуешь, зачѣмъ льются слезы изъ твоихъ глазъ, изъ гордыхъ глазъ инфанты?»

— «Король, мой отецъ, какъ же не горевать мнѣ, какъ мнѣ не плакать. Тяжело мнѣ жить одинокой, нѣтъ у меня любимаго супруга. Изъ трехъ

вашихъ дочерей только я одна не выдана замужъ».—Чѣмъ же могу я тебѣ помочь, дочь моя, вѣдь не я, а ты виновата въ этомъ горѣ.

«Пріѣзжали послы изъ Аквитаніи сватать тебя за герцога, пріѣзжали послы изъ Нормандіи отъ Роберта Чернаго. Ты сама не хотѣла ихъ выслушать, не хотѣла оказать имъ ласковый пріемъ. При моемъ королевскомъ дворѣ я не знаю никого, кто бы достоинъ былъ сдѣлаться твоимъ мужемъ».

— «Нѣтъ, мой отецъ, вы знаете того, кто достоинъ моей руки: это сильный и прекрасный графъ Янно. За него я хочу выйти замужъ, его хочу имѣть своимъ супругомъ и повелителемъ». — Ты хочешь невозможнаго, дочь моя: вѣдь графъ Янно женатъ, ты знаешь это.

— «Что мнѣ до его жены, пусть убьютъ его жену, потому что она отняла его у меня: онъ женился на ней

нарушивъ обѣщаніе, которое далъ мнѣ прежде. Если графъ Янно не будетъ моимъ мужемъ, я буду плакать день и ночь, я умру отъ тоски и горести».

Задумался король, услышавъ жестокія и печальныя слова инфанты. Онъ даетъ приказъ позвать графа Янно во дворецъ.—«Я долженъ его увидѣть немедленно, я долженъ говорить съ нимъ. О горькомъ и жестокомъ дѣлѣ будетъ моя рѣчь и только для спасенія жизни дочери рѣшаюсь я на такое дѣло».

II.

Графъ Янно сидѣлъ съ своей прекрасной женой въ саду и игралъ ей на лютнѣ нѣжную пѣснь любви, когда пришелъ къ нему пажъ съ приказомъ короля.—«Это странно, сказала, блѣднѣя, молодая графиня:— король видѣлъ тебя сегодня утромъ

и зоветъ тебя снова вечеромъ. Милый мой, что-то недоброе чуетъ мое сердце».

— «Будь спокойна, моя супруга› отвѣчалъ ей графъ Янно и пошелъ во дворецъ. Король вышелъ къ нему, сурово хмуря брови надъ блестящими глазами.—«Цѣлую руку вашего величества. Что вашему величеству угодно?—«Цѣлуйте мою руку за великую милость, строго молвилъ король:—я отдаю вамъ въ замужество инфанту».

— «Государь, я уже женатъ больше года, у меня есть ребенокъ». — «Вы убьете графиню и женитесь на моей дочери».—«Какъ я могу убить мою жену, государь: она ничѣмъ не заслужила смерти». — «Замолчите, графъ, замолчите. Вы прежде дали слово инфантѣ: съ дочерьми короля нельзя играть какъ съ простыми рабынями».

— «Вы правы, государь. Но въ та-

комъ случаѣ справедливость требуетъ моей смерти, такъ какъ я оскорбилъ моего короля. Если я убью мою жену, если я сдѣлаю такое гнусное дѣло, Богъ не проститъ мнѣ ни въ этой жизни, ни въ будущей». — «Графиня должна умереть сегодня къ полуночи. Таковъ мой приказъ, а это приказъ короля».

Графъ Янно вышелъ изъ дворца и возвратился домой въ отчаяніи. Онъ чувствовалъ въ своей груди муку сильнѣе смертной агоніи. Прекрасная графиня ждала его у дверей. И какъ только она увидѣла мужа, поспѣшила ему навстрѣчу, держа на рукахъ маленькаго сына. — «Добро пожаловать, мой графъ, добро пожаловать на радость мнѣ».

III.

Онъ обнялъ ее и не говоря ни слова поднялся по мраморнымъ ступенямъ.

*

Онъ пошелъ въ опочивальню съ женой, онъ молча заперъ дверь, чего никогда не дѣлалъ прежде. Онъ поцѣловалъ своего сына, которому мать дала грудь. Ребенокъ оставилъ грудь и улыбнулся отцу, какъ ангелъ. Тогда слезы потекли изъ глазъ графа, горькія слезы отчаянія.

Увидѣвъ его слезы, графиня зарыдала въ смертельномъ страхѣ. «Что съ тобой, мой возлюбленный Янно, жизнь моя, что съ тобою? Какое несчастіе грозитъ тебѣ? За что прогнѣвался на тебя король?» Она говорила сквозь рыданія эти слова, она заглядывала въ его глаза, прижимая къ груди трепещущими руками ребенка.

Графъ Янно подавилъ свои слезы, но не могъ отвѣчать ей. Она припала къ его груди блѣднымъ лицомъ, она цѣловала его руки, вся исполненная любви. «Открой мнѣ свое сердце, облегчи свое и мое страданіе, подѣлись горемъ съ твоей вѣрной же-

ной. Ты столько давалъ мнѣ радостей; неужели ты не хочешь отдать мнѣ своего горя?»

«Умоляю тебя именемъ самого Бога, именемъ Пресвятой Дѣвы Маріи, лучше убить меня, чѣмъ томить неизвѣстностью...» Ея мольбы разрывали ему сердце, ея слезы капали на его руки. Онъ нахмурилъ лобъ и мрачный огонь сверкнулъ въ его глазахъ.

— «Смерть тому, кто повелѣваетъ такое подлое убійство! смерть тирану-королю!»—Ахъ, я не понимаю тебя, мой милый Янно, я не могу понять твоихъ словъ. Заклинаю тебя жизнью: открой мнѣ, какая тайна стала преградой между нами?—«Твоя смерть, отвѣчалъ онъ глухо, твоя смерть, моя дорогая. Король далъ мнѣ приказъ, чтобы я убилъ тебя, король хочетъ, чтобы я женился на инфантѣ».

Она задрожала, услышавъ эти

слова, она поблѣднѣла какъ полотно и упала на каменный полъ точно мертвая. Графъ Янно бросился къ своей милой женѣ, онъ сжалъ ея холодныя руки въ своихъ рукахъ, онъ приподнялъ ее и положилъ на мягкую постель, онъ цѣловалъ ея бѣлокурые волосы, ея померкшіе глаза.

IV.

Богу не угодно было, чтобы она умерла. Горе сильнѣй, чѣмъ смерть, заставило ее очнуться. Жалостными словами стала она умолять мужа.— Не убивай меня, милый Янно, не убивай меня. Я найду средства помочь горю, я научу тебя, слушай, я научу тебя, какъ спастись отъ короля.

«Ты отведешь меня къ моему отцу, который такъ меня любитъ. Тамъ я буду жить, какъ жила прежде дѣ-

вицею. Я буду воспитывать нашего малютку. Вѣдь никто не можетъ его такъ любить. Я останусь тебѣ вѣрною. Янно, какъ была вѣрна до сихъ поръ. Отвези меня къ отцу»...

— Какъ же это сдѣлать, моя милая жена, когда настала уже полночь и король сейчасъ пришлетъ посланнаго, чтобы онъ увидѣлъ, исполненъ ли королевскій приказъ? — «Ахъ, погоди, Янно, погоди, не убивай меня... Заключи меня въ тюрьму. Тамъ я умру отъ горя и страданія, тамъ я навѣрно умру, милый мой».

Когда она говорила эти слова въ двери опочивальни послышался голосъ: «Графъ Янно, полночь настала, исполнилъ ли ты приказъ короля? Если графиня умерла, Господь да помилуетъ ея душу. Если она жива — пусть прочитаетъ предсмертную молитву: часъ ея смерти пришелъ, исполни приказъ короля».

Графиня услышала эти страшныя слова.—Ахъ, я не могу молиться, милосердная Дѣва, Пресвятая Марія! Не смерть горька мнѣ—горька твоя измѣна, Янно. Неужели ты убьешь меня своей рукой, не зная за мной никакой вины, неужели ты возьмешь у меня жизнь только потому, что такъ повелѣлъ король?..

«Да проститъ тебя Богъ за это въ тотъ день, когда ты будешь призванъ къ Нему. Дай мнѣ проститься со всѣмъ, что я любила, съ цвѣтами нашего сада съ прохладнымъ фонтаномъ. Прощайте мои розы, прощайте мои фіалки, прощай александрійскій цвѣтъ. Сохраните ко мнѣ вашу любовь, когда мой мужъ позабудетъ меня!»

«Дай мнѣ моего ребенка, дай мнѣ моего милаго малютку. Пустъ онъ въ послѣдній разъ прильнетъ къ моей груди, пусть онъ пьетъ мою кровь.

Пей, мой бѣдный младенецъ, пей это молоко предсмертныхъ мукъ! До нынѣшняго дня у тебя была родная мать, которая такъ любила тебя, завтра у тебя будетъ мачиха королевская дочь»...

Она не могла говорить больше она залилась горькими слезами, она зарыдала надъ своимъ милымъ сыномъ.—«Графъ Янно, отоприте двери, графъ Янно не убивайте вашу жену. Я, посланный короля, принесъ вамъ его приказъ о милости». Графъ Янно отперъ двери и, поблѣднѣвъ, отступилъ назадъ: передъ нимъ стояла инфанта.

—

Въ каѳедральномъ соборѣ звонятъ колокола. Іисусе! кто умеръ, по комъ этотъ погребальный звонъ? Умерла для міра и его радостей молодая королевская дочь, инфанта идетъ въ монихини. Богу не угодно было до-

пустить, чтобы разлучились два добрыхъ супруга изъ за королевской дочери, въ темной кельѣ на вѣки хоронитъ она свою любовь...

АССАРПАИ.

1.

На бой, на послѣдній бой съ побѣдителемъ Пизарро собрался высокій Инка. И сказалъ онъ своей дочери, милой своей Ассарпаи сказалъ онъ: «Да сохранятъ тебя боги. Пусть вдали отъ этого дома кипитъ битва, пусть льется кровь, мѣшаясь съ прахомъ, пусть свирѣпствуетъ смерть. Но здѣсь будетъ царить миръ, будутъ птицы пѣть свои пѣсни, будутъ благоухать цвѣты. Никто не долженъ знать дороги къ долинѣ, гдѣ живетъ моя дорогая Ассарпаи».

*

На свои черные локоны онъ надвинулъ золотой боевой шлемъ. Онъ поцѣловалъ ее въ заплаканные глаза. «Милое мое дитя, я тебя увижу, я снова увижу тебя», говорили его уста. Но его сердце говорило другое: «Никогда—говорило оно—никогда, никогда»...

Въ тихой долинѣ Квито стала жить одинокая Ассарпаи. Каждое утро всходило солнце, лаская ея прекрасные проснувшіеся глаза; каждый вечеръ серебряный мѣсяцъ смыкалъ ихъ прощальнымъ поцѣлуемъ.

У ней былъ сѣрый попугай на золотой цѣпочкѣ. Онъ садился на ея плечо и прижимался къ ея смуглой щекѣ и, нагибая шею, кричалъ звонко и радостно: «Ассарпаи, Ассарпаи!» И дѣвушка весело смѣялась на его привѣтъ и, будто радуясь ея смѣху, веселые яркіе цвѣты разливали кругомъ свой нѣжный и услаждающій ароматъ.

Случилось разъ, Ассарпаи гуляла въ зеленомъ лѣсу. Было тихо, тихо... Вдругъ зашумѣли листья, заколыхались вѣтви ліанъ, затрепетали чащечки цвѣтовъ, и среди зеленой чащи показался человѣкъ, какихъ дочь Инки не видывала до тѣхъ поръ.

Онъ былъ не похожъ на людей ея племени, съ темнымъ цвѣтомъ кожи. Какъ снѣгъ Кордильерскихъ горъ бѣлѣло его лицо, какъ солнце, отражающееся въ темномъ озерѣ, отражался его взглядъ въ ея взглядѣ.

И онъ бралъ ее за руки, онъ смотрѣлъ ей въ очи и на ея родномъ языкѣ заговорилъ онъ. — «Не бойся ничего, красавица. Я заблудился въ зеленомъ, первобытномъ лѣсу. Укажи, какъ мнѣ изъ него выйти».

Она задрожала, услышавъ его сладкій голосъ, она задрожала, взглянувъ въ его блестящіе глаза. — Высокій

юноша, прекрасный юноша, скажи мнѣ, не изъ боговъ ли ты? робко спросила она. И онъ отвѣчалъ, улыбаясь: «Я человѣкъ, Алонзо мое имя: такъ меня назвали отецъ и мать, что живутъ тамъ, за океаномъ».

И всходилъ послѣ этого свѣтлый вечерній мѣсяцъ; и вставало утромъ ясное солнце; и заглядывали они въ тихую долину Квито, но уже не видали они тамъ Ассарпаи, не цѣловали ея милыхъ глазъ: другія уста цѣловали прекрасную дѣвушку.

Много, много яркихъ цвѣтовъ расцвѣтало въ тихой долинѣ Квито; но ярче ихъ разгорались темныя щеки Ассарпаи и слаще ихъ аромата было ей дыханіе милаго.—Любишь ли ты меня? тихо спрашивала она. «Всегда буду любить, навѣки я полюбилъ тебя», отвѣчалъ ей Алонзо.

Изъ всѣхъ прекрасныхъ цвѣтовъ прекраснѣйшій срывала Ассарпаи и давала его на разставаньи Алонзо.—

Какъ завянетъ на утро этотъ цвѣтокъ, такъ и ты позабудешь меня, говорила она.— «Никогда не забуду тебя — отвѣчалъ онъ — никогда, никогда!».

II.

Волнуясь мрачнымъ гнѣвомъ, сидѣлъ въ своемъ шатрѣ завоеватель Пизарро. Отъ Андовъ до самаго моря покорна ему была вся страна. Только одинъ человѣкъ ему противился; только одного Инку не могъ онъ побѣдить.

Точно горный кондоръ таился Инка на высокихъ утесахъ, точно горный кондоръ спускался онъ въ долину. И дѣлались его добычей испанцы и лилась въ жестокихъ битвахъ съ воинами Инки горячая кастильянская кровь.

Но коварная змѣя таилась подъ пятою вождя и выползла оттуда. Пришелъ къ Пизарро воинъ-преда-

тель и сказалъ ему: «Если ты хочешь покорить Инку,—захвати его любимую дочь. Все отдастъ Инка, чтобы освободить свою дочь, свою прекрасную Ассарпаи, все отдастъ Инка: и свое царство, и свою корону, и свое оружіе. Ничего не пожалѣетъ онъ для своей любимой дочери, для своей милой Ассарпаи».

Такъ вотъ что было объявлено Пизарро отъ имени короля: «Кто захватитъ дочь Инки, тотъ получитъ королевскую награду. Изъ стараго кастильскаго дворянства можетъ онъ выбрать богатую невѣсту».

Дошла эта вѣсть до Алонзо. Бродитъ онъ съ мрачной душой. Закралось въ его душу искушеніе сдѣлать предательское, злое дѣло. Мерещится ему впереди богатство и счастіе съ красавицей-невѣстой.

Въ церкви на исповѣди стоитъ онъ и въ смущеньи шепчетъ священнику: «Я далъ клятву язычницѣ: можно ли

нарушить такую клятву?» И слышитъ онъ отвѣтъ исповѣдника: «Такая клятва не значитъ ничего».

III.

Въ тихой долинѣ Квито гуляла дочь Инки. На ея плечѣ сидѣлъ ея любимый сѣрый попугай. Вдругъ онъ въ испугѣ встрепенулся и взвился къ верху. «Ассарпаи, Ассарпаи!» кричалъ онъ, и не умолкалъ его жалобный крикъ.

Въ кустахъ внезапно раздался шумъ и появились воины съ грубыми, бородатыми лицами. Они окружили дочь Инки и схватили ее. На колѣни упала она съ крикомъ: «Алонзо, милый мой Алонзо, помоги мнѣ!»

И когда она назвала его имя, — она увидѣла за кустами его блѣдное, какъ у мертвеца, неподвижное лицо. Безъ слезъ смотрѣла она на

него: застыли въ ея глазахъ слезы и кровь ея превратилась въ ледъ.

Веревками, жесткими веревками связали они ея нѣжныя руки. Но она не произнесла ни стона, ни жалобы: она уже не чувствовала никакой боли послѣ муки, охватившей ея душу въ тотъ мигъ, когда она взглянула на блѣдное, неподвижное лицо Алонзо.

IV.

И завоеватель Пизарро написалъ тогда Инкѣ: «Твоя любимая дочь попалась въ наши руки; если ты не покоришься мнѣ, на кострѣ, въ мученіяхъ погибнетъ твоя любимая дочь».

Получилъ эту вѣсть Инка и цѣлый день не промолвилъ онъ ни съ кѣмъ ни слова. Потомъ онъ послалъ гонца къ Пизарро и велѣлъ сказать ему: «Я воевалъ съ тобою, какъ вождь, а ты со мною воюешь, какъ разбой-

никъ. Ты можешь погубить отца: умретъ дочь Инки — умретъ и онъ. Но никогда не покоришь ты царя. И вѣрь мнѣ, дочь царя, даже умирая, будетъ презирать васъ, грабителей моего царства».

Разгнѣвался Пизарро на слова Инки, и велѣлъ онъ поставить высокій костеръ, велѣлъ онъ разжечь большой огонь, чтобы сильнѣе мучилась дочь Инки, не сдѣлавшая никому зла.

— «Сдѣлайся христіанкой, и тебѣ оставятъ жизнь» — сказалъ священникъ Ассарпаи. — «Никогда — отвѣчала она — никогда не поклонюсь я Богу, которому поклоняются такіе злые люди, какъ Алонзо, измѣнившій святынѣ любви».

Крѣпко связанная веревками стояла она у столба мученій. Ея черные локоны развѣвались по вѣтру и отъ дѣвственнаго стыда цѣломудренно дрожало ея тѣло подъ розовой прозрачной одеждой.

*

И когда, раздуваемое вѣтромъ, обвилось вокругъ нея красное пламя, вверху, надъ ея головой послышался шумъ крыльевъ и въ ушахъ ея раздался жалобный крикъ: «Ассарпаи, Ассарпаи»!..

Она подняла еще разъ голову, она увидѣла товарища своихъ дѣтскихъ игръ, товарища своей юности, любимаго сѣраго попугая. И задрожала на ея рѣсницахъ горькая послѣдняя слеза.

«Ты, мой вѣрный другъ, ты будь свидѣтелемъ великаго преступленія, ты разскажи о нем,ъ если смолкнетъ языкъ человѣческій. Лети къ моему отцу, отнеси ему мой послѣдній вздохъ, посдѣдній вздохъ его милой дочери».

Онъ леталъ надъ нею съ неумолчнымъ пронзительнымъ крикомъ. Онъ леталъ надъ нею, покуда она не поникла безжизненной головою, покуда пламя не обожгло ему крыль-

евъ. И тогда онъ быстро взвился къ верху и, вскрикнувъ жалобно еще разъ, унесся въ горы.

V.

Въ толедской церкви, въ высокомъ каѳедральномъ соборѣ, тѣснится толпа народа. Каждому хочется взглянуть на свадьбу, каждому хочется взглянуть, какъ женихъ донъ Алонзо поведетъ къ алтарю богатую невѣсту донну Соль.

У дверей собора стоитъ неподвижно старикъ. Въ правой рукѣ онъ держитъ сѣраго попугая. Бѣлы какъ снѣгъ борода и волосы старика и, будто скала въ трещинахъ, изрыто морщинами его лицо.

Громко загудѣли всѣ колокола. «Они идутъ, они идутъ», слышится говоръ въ толпѣ. Вотъ они — вотъ невѣста, застѣнчивая и прекрасная. Вотъ рядомъ съ нею женихъ. На его

мертвенно блѣдномъ лицѣ горятъ мрачные, впалые глаза.

Они идутъ къ алтарю, гдѣ ихъ встрѣчаетъ епископъ, они преклонили колѣни. Священникъ соединилъ ихъ руки, блеснули золотыя обручальныя кольца... Вдругъ раздался шумъ крыльевъ, подобный шуму ворвавшагося въ окно вѣтра.

Подъ высокіе своды церкви взлетѣлъ сѣрый попугай и безъ устали началъ кружиться тамъ, оглашая церковь рѣзкими криками. «Ассарпаи! Ассарпаи!» гулко и громко разносилось въ храмѣ...

Какъ ужаленный вскочилъ съ колѣнъ женихъ, глаза его сверкали безуміемъ. «Ассарпаи! Ассарпаи!», пронзительно крикнулъ онъ на всю церковь и упалъ на мраморный полъ и брызнула кровь на лбу его.

Епископъ сошелъ со ступеней и взялъ его за руку. — «Что съ вами, донъ Алонзо?» Но Алонзо оттол-

кнулъ его.—Ступай въ адъ, проклятый! Ты мнѣ сказалъ, что я могу нарушить клятву!»

Въ бѣшенствѣ онъ хотѣлъ броситься на служителя алтаря; но опустились его руки, помертвѣло его лицо. Смерть уже приближалась къ нему. «Ассарпаи! Ассарпаи!» хрипло прошепталъ онъ въ послѣднiй разъ и покатился бездыханный у ступеней алтаря.

И къ мертвому приблизился старикъ и грозно крикнулъ надъ нимъ: «Такъ долженъ умереть каждый, кто сдѣлаетъ такое подлое преступленiе, какое сдѣлалъ этотъ человѣкъ: онъ измѣнилъ святынѣ любви».

Кровавымъ блескомъ свѣтились глаза старика и подобный пророку Божьяго мщенiя стоялъ онъ, выпрямившись, съ бѣлоснѣжной бородой и развѣвающимися волосами и съ лицомъ изрытымъ морщинами, какъ растреснувшаяся скала.

Онъ посадилъ попугая на золотой цѣпочкѣ къ себѣ на плечо и, мрачно озирая разступившуюся передъ нимъ въ страхѣ толпу, вышелъ изъ храма. Никто не видѣлъ, какъ онъ пришелъ и никто не видалъ, куда онъ удалился...

НОРВЕЖСКАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

«У стараго сѣдого короля были кони. Одного звали Черноногъ, другого Бѣлоногъ. Оба былн равно дороги королю, въ обоихъ текла божественная кровь: они происходили отъ коня Одина. Черноногъ подобенъ былъ бурному, грозовому облаку: стремительно летѣлъ онъ, когда несъ короля въ битву, и чернѣли его глаза, какъ темная ночь. Бѣлоногъ былъ подобенъ молніи; онъ мчался передъ войскомъ быстрыми скачками, огнемъ палило его дыха-

нье и когда онъ ржалъ, то казалось гремитъ громъ. Могучей силой надѣлилъ ихъ Одинъ. По всему свѣту славились Бѣлоногъ и Черноногъ, боевые кони стараго короля.

II.

Не одной могучей силой бѣга обладали они: имъ данъ былъ дивный, волшебный даръ. Въ урочный день въ году, въ полуночный часъ, кони говорили человѣческимъ голосомъ. Они предсказывали будущее, сокрытое отъ другихъ. Тому, кто случайно слышалъ ихъ предвѣщанія, они предсказывали счастье; но горе было тому, кто нарочно приходилъ подслушивать вѣщую рѣчь коней въ волшебный часъ... Наступилъ завѣтный день. Зимній холодный вѣтеръ носился по полямъ, солнце свѣтило сквозь туманъ, ледъ сковалъ землю. Смерть растилалась всюду, блѣдная, нѣмая смерть.

III.

Въ душѣ стараго, сѣдого короля поднялась буря, молніи сверкали въ его мрачныхъ глазахъ, горе, тайное горе грызло его сердце... Онъ пошелъ въ конюшню, гдѣ стояли его кони, онъ отослалъ всѣхъ слугъ.— «Я самъ буду стеречь коней». Онъ прислушивался всю ночь. Молчали кони. Онъ пришелъ на другую ночь. Молчали кони. На третью ночь пришелъ онъ... Сѣдые волосы поднялись на его головѣ: въ ночной тишинѣ онъ услышалъ волшебный шопотъ коней, онъ услышалъ ихъ вѣщую рѣчь. Черноногъ говорилъ Бѣлоногу: «братъ мой, я чую горе. Когда солнце встанетъ на средину лѣта, насъ осѣдлаютъ для печальной поѣздки. Кто-то убѣжитъ, кто-то погонится...

IV.

«Короля понесу я, король помчится на мнѣ въ погоню... Скажи, отчего

*

ты ускачешь отъ насъ, скажи кого понесешь, скажи, что ты видишь въ темной ночи будущаго?» Отвѣчаетъ Бѣлоногъ Черноногу: «Братъ мой, я чую горе. Кто-то убѣжитъ, кто-то погонится. Двойную ношу понесу я на моемъ хребтѣ. Іормунда понесу я, сына короля, и Ронгильду, молодую жену короля. Убѣгутъ они изъ дворца въ темную ночь, въ ужасную ночь».—«Братъ мой, скажи, зачѣмъ убѣгутъ они?»—На горе старому королю, на страданіе самимъ себѣ. Молода супруга короля и прекрасно ея молодое тѣло. Король сѣдъ, какъ сѣрое море. Іормундъ цвѣтущъ, какъ подснѣжный цвѣтокъ»...

V.

Старый король вышелъ изъ конюшни. Въ ушахъ у него звенѣло, глаза его налились кровью. Сердце его было полно терзаній... Онъ пришелъ въ комнату, гдѣ спала Рон-

гильда, онъ наклонился надъ ея ложемъ. Сладко было ея дыханіе. На бѣлой груди тихо подымались и опускались нѣжныя руки. Она была такъ прекрасна, такъ чиста. Старый король упивался ея красотой точно сладкимъ виномъ. Со вздохомъ легъ онъ на свое ложе и не смыкалъ онъ глазъ до утра. Тяжелая дума мучила его и томила: такъ не даромъ его сердце заболѣло страхомъ за любовь молодой жены! Сама судьба предвѣщаетъ ему то горе, котораго онъ такъ боялся.

VI.

На другой день въ высокой залѣ сидѣлъ король за столомъ рядомъ съ королевой. И сынъ короля былъ тутъ же, вблизи отъ нихъ. Передъ королемъ стоялъ кубокъ съ огненнымъ виномъ: — «Ронгильда — сказалъ старый король — отчего горитъ твое лицо?» — «Вино разгорячило мою

кровь».—«Іормундъ, отчего ты такъ блѣденъ? — «Зимнее солнце даетъ блѣдный свѣтъ»... Тутъ молча Іормундъ и Ронгильда поглядѣли другъ на друга. Іормундъ взглянулъ на ея волнистые волосы, Ронгильда взглянула на его прекрасное лицо. Тогда проснулось въ ея груди тайное, грѣховное желаніе...

VII.

Король сказалъ Іормунду: «Данія хочетъ насъ покорить, хочетъ нашего позора. Я снарядилъ сегодня двадцать кораблей. Тебѣ довѣряю я воиновъ и корабли. Ты поплывешь въ море и прославишь норвежскій мечъ». Такъ сказалъ старый король, а про себя подумалъ: и найдешь смерть въ битвѣ... Бѣлые снѣга зимы растаяли, пришла теплая весна и принесла она радостную вѣсть въ Норвегію: вѣсть о побѣдѣ и о плѣнѣ побѣж-

денныхъ. Лѣтніе дни смѣняли ночи, молодой Іормундъ возвращался изъ похода. Шумя по волнамъ неслись корабли, ликующіе пѣвцы играли на струнахъ, дружно гребцы ударяли веслами, гордо надувались бѣлые паруса.

VIII.

Іормундъ, сынъ короля, приплылъ къ роднымъ берегамъ. Прекрасенъ какъ Бальдусъ, стоялъ онъ на высокомъ борту корабля. Король съ молодой королевой вышелъ изъ дворца встрѣтить побѣдителя. Улыбаясь, поздоровался онъ съ сыномъ и въ его улыбкѣ таилась смерть. Ронгильда наклонилась къ лицу юноши для привѣтнаго поцѣлуя и когда ея губы коснулись его губъ, задрожали ея ноги и она опустилась на руки Іормунда. Это было имъ обоимъ на счастье любви, это было имъ обоимъ на горе и страданіе.

IX.

Молчаливая тьма ночи одѣла землю и дворецъ. И въ душу стараго короля сошла такая же тьма и кровавыми мыслями заволновалось его сердце. Мигая потухли послѣдніе огни въ королевскомъ чертогѣ... Тогда, осторожно ступая по каменнымъ плитамъ колеблющимися ногами, вся дрожа и замирая прокралась Ронгильда за порогъ своей комнаты. Тихо, тихо постучала она у двери Іормунда. Изъ глазъ у ней катились слезы, задыхаясь шепнула она одно слово, одно только слово: «бѣги!» И ей казалось, что гулъ ея шопота разнесся въ ночной тиши по всему дворцу.

X.

Іормундъ вскочилъ съ своего ложа, опоясался мечемъ Викинга. Онъ схватилъ трепещущую Ронгильду въ свои

объятія. «Быстрый Бѣлоногъ умчитъ насъ съ тобою обоихъ, быстрый Бѣлоногъ спасетъ насъ»!.. По ступенямъ дворца, гремя оружіемъ вбѣжали стражи на зовъ стараго короля. Они вошли въ спальный покой Ронгильды. «Ея нѣтъ здѣсь, ея ложе пусто, она ушла съ нимъ»!.. А на дворъ, изъ конюшни, однимъ могучимъ прыжкомъ выскочилъ конь Бѣлоногъ и, закусивъ удила, помчался быстрѣй падающей звѣзды и исчезъ въ непроглядной тьмѣ ночи...

XI.

«Осѣдлать коня! Осѣдлать Черного!» закричалъ старый король. Онъ побѣжалъ къ дверямъ конюшни. «Черногъ, король зоветъ тебя! Проснись, догони бѣглецовъ, дай мнѣ отомстить!» Заслышавъ голосъ короля, Черногъ оторвалъ веревку, которой былъ привязанъ въ стойлѣ;

копытами разбилъ онъ двери конюшни. Король вскочилъ на своего боевого коня и, какъ вѣтеръ, вылетѣлъ конь изъ-подъ сводовъ дворца. Искры сыпались изъ-подъ его копытъ. Вдалекѣ послышалось ржанье Бѣлонога, въ отвѣтъ ему заржалъ Черноногъ, точно громъ прокатился по небу. Ночь покрывала замлю, тьма лежала надъ моремъ.

XII.

Черныя волны моря съ шумомъ катились къ береговымъ скаламъ. И вдругъ остановились черныя волны, будто въ страхѣ замерли на мигъ и побѣжали назадъ. Грозный шумъ доносился съ берега. На высокихъ скалахъ, прыгая съ утеса на утесъ, неслись два коня, выбивая искры изъ камней. Грозно сверкали ихъ глаза, полные ужасомъ и горемъ. Преступная жена убѣгала отъ ста-

раго мужа, отецъ преслѣдовалъ своего сына. Звѣзды ночи меркли и гасли. Бѣлоногъ мчался безъ отдыха. Утреннія облачка неслись на своихъ розовыхъ крыльяхъ по блѣдному небу. Быстрѣе облаковъ летѣлъ Черноногъ.

XIII.

Забрезжилъ разсвѣтъ, потянулся сѣрый туманъ съ моря. Сталъ уставать Бѣлоногъ. Не помогали удила, не помогали шпоры. Не помогалъ гнѣвъ Іормунда, не помогали мольбы Ронгильды. Дрожа остановился конь: онъ не могъ больше бѣжать, онъ былъ весь въ мылѣ, потухъ его взоръ. Ближе и ближе, грозный какъ буря, летѣлъ Черноногъ. И когда увидѣлъ бѣглецовъ, звонко заржалъ онъ и Бѣлоногъ отвѣчалъ ему только жалобнымъ вздохомъ: онъ задыхался, онъ уже не могъ ржать. Старый король былъ подобенъ морю,

*

шумящему вдали грознымъ ревомъ. Сѣдая борода его развѣвалась по вѣтру, глаза сверкали безумнымъ горемъ и яростью.

XIV.

«Сдайся предатель-сынъ»! закричалъ старый король. Іормундъ схватилъ свой широкій мечъ. Онъ вонзилъ острое желѣзо въ грудь Ронгильды. «Никогда не сдастся сынъ короля, никогда не сдастся конь Одина!» Услышалъ это слово Бѣлоногъ и воротилась къ нему его сила. Звонкимъ копытомъ ударилъ онъ въ каменистый утесъ и бросился съ вершины его въ море. Точно молнія сверкнуло бѣлое покрывало Ронгильды, перья на шлемѣ Іормунда и все скрылось въ пѣнящейся могилѣ. Старый король посмотрѣлъ туда, гдѣ кружились волны моря и его сѣрые волосы побѣлѣли какъ снѣгъ...

ЭМИРЪ И ЕГО КОНЬ.

Истекающаго кровью отъ ранъ, нанесенныхъ христіанскими мечами, несли мавры своего эмира. Онъ бился съ врагами въ ста битвахъ на берегахъ Эбро и сто разъ побѣдилъ враговъ.

—

Вслѣдъ за своимъ властелиномъ, склоня къ землѣ благородную голову, шелъ его конь, шелъ бѣлый жеребецъ Эль-Моранъ, носившій побѣдителя въ ста битвахъ на берегахъ Эбро.

—

Изъ-подъ сводовъ городскихъ воротъ вышла жена эмира его любимая Гюльнагара. Она обвила бѣлыми руками шею мужа, она увидѣла его блѣдное, помертвѣлое лицо. Черные локоны ея разметались по плечамъ... «Спасите, спасите моего господина», отчаянно зарыдала Гюльнагара.

—

Тогда выступилъ старый Меджнунъ, опытный въ искусствѣ леченія. «Тяжелы, госпожа, и глубоки его раны. Никогда больше не выѣдетъ онъ на бой. Но если ты хочешь, чтобы онъ жилъ— онъ будетъ жить—слушайся меня».

—

«Сними со стѣнъ дворца оружіе, сними мечъ, которымъ онъ бился, сними стальныя латы и шеломы, въ которыхъ онъ выходилъ на битвы. Пусть его взоры не видятъ ничего, что бы напоминало ему о блескѣ и славѣ былого.

—

«Удали изъ дворца пѣвцовъ его прежнихъ побѣдъ, чтобы ихъ пѣсни не будили въ немъ воинственнаго восторга, не призывали его снова къ подвигамъ, прославившимъ его въ бояхъ.

—

«Затѣмъ налей ему въ чашу вотъ этихъ волшебныхъ капель. Ихъ таинственная сила въ забвенiи. Онѣ усыпляютъ все, что когда-то насъ радовало, все, что насъ волновало, онѣ убиваютъ воспоминанiе.

—

Она налила въ чашу эмира волшебныхъ капель... Въ тихомъ деревенскомъ домикѣ, подъ тѣнистымъ шатромъ зеленыхъ деревъ, посреди ароматныхъ цвѣтовъ, далеко отъ свѣта, далеко отъ людей, она успокоила своего господина.

—

Медленно закрывались его раны. Два раза приходила и уходила свѣт-

лая весна черезъ долину Барцелоны. Когда она пришла въ третій разъ, она увидѣла бродящаго межъ цвѣтовъ, радостно улыбающагося старика.

—

Это былъ когда-то могучій эмиръ. Та рука, которая когда-то на берегахъ Эбро, какъ молнія поражала мечемъ, теперь играла весенними цвѣтами. Глаза, побѣдно сверкавшіе въ бою, тихо свѣтились, оглядывая зеленый шатеръ деревьевъ.

—

Гюльнагара шла рядомъ съ нимъ.—«Теперь ты здоровъ, ты совсѣмъ здоровъ, мой господинъ и мужъ?» говорила она нѣжно.—«Чувствуешь ты боль?» — «Нѣтъ, я не чувствую боли».—«Но твои глаза глядятъ такъ грустно?»—«Чего-то недостаетъ мнѣ», задумчиво отвѣчалъ онъ.

—

«Но скажи, чего ты желаешь скажи мнѣ?»—«Не знаю, не могу ска-

зать тебѣ. Когда я начинаю раздумывать и мечтать, я никакъ не могу чего-то припомнить. Но это было, это было въ моемъ сердцѣ и теперь нѣтъ этого тамъ».

—

Такъ сидѣлъ онъ однажды подъ тѣнью шепчущихъ деревъ и Гюльнагара сидѣла около него. Вдругъ онъ очнулся отъ задумчивыхъ грезъ и быстро вскочилъ съ своего мѣста.

—

«Что это такое, что раздается тамъ?» воскликнулъ онъ и радостно и грозно засвѣтились его взоры. Издали, подобно шуму вихря, спорящему съ разъяренной волной, подобно металлическому звуку трубы, доносился какъ бы призывъ на битву.

—

Разъ промчался тотъ звукъ, и въ другой и въ третій разъ раздался онъ. — «Подай мнѣ мой мечъ! воскликнулъ эмиръ, осѣдлай моего бое-

вого коня. Это онъ, это мой Эль-Моранъ зоветъ меня, я узнаю его ржанье!..»

Тутъ открылись снова его кровавыя раны и, умирая, упалъ онъ въ объятія рыдавшей Гюльнагары.—«Не плачь, милая, не плачь, съ послѣдней предсмертной улыбкой проговорилъ онъ: я вспомнилъ... я нашелъ потерянное... Не плачь — теперь я снова силенъ, теперь я воскресъ душой...»

БІАНКА КАПЕЛЛО

Драматическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ.

*

ЛИЦА:

Франческо Медичи.

Піетро Бонавентури.

Біанка Капелло, его жена.

Маргарита, мать Піетро.

Мондрагоне.

Робертъ Риччи.

Кассандра его жена

Пажъ

Первый
Второй
Третій
Четвертый } граждане Флоренціи.

Придворные кавалеры и дамы, граждане и гражданки, тѣлохранители, стража.

Дѣйствіе во Флоренціи въ XVI столѣтіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА I.

Комната во дворцѣ герцога.

Франческо сидитъ у стола, Мондрагоне стоитъ.

Ты знаешь, чѣмъ воздаютъ эти собаки флорентинцы за освобожденіе ихъ отъ постоянныхъ раздоровъ и заботы о могуществѣ Флоренціи! Вѣчные мятежи, заговоры. А когда нѣтъ ничего другого, то безсовѣстныя клеветы. Даже прелаты совѣта тридцати присоединяются къ голосамъ, которые дѣлаютъ изъ нашего дома логовище дикихъ звѣрей! Начинаются пересуды: герцогъ Гарціо

убилъ герцога Джіованни, Козимо убилъ сына дона Гарціо, а донна Элеонора, наша мать, умерла съ горя...

МОНДРАГОНЕ.

Я сожалѣю, что возбудилъ въ вашей свѣтлости печальныя мысли, когда хотѣлъ возбудить веселыя и радостныя. Для вѣрнаго слуги принца счастіе заключается въ спокойствіи его господина. Но позвольте мнѣ вернуться къ этому прошенію Піетро Бонавентури.

ФРАНЧЕСКО.

Хорошо. Ты хочешь, чтобы я защитилъ эту венеціанку и ея мужа отъ изгнанія, присужденнаго имъ «совѣтомъ десяти»? А въ какихъ словахъ оно выражено?

МОНДРАГОНЕ.

Піетро Бонавентури изгоняется изъ каждаго мѣста и города, корабля во-

оруженнаго и разоруженнаго; съ него взимается тысяча червонцевъ пени, изъ коихъ половина въ кассу «совѣта десяти», половина семейству Капелло,— за соблазнъ Біанки. Бонавентури выдавалъ себя за племянника нашего Сальвіати, хотя онъ былъ только его агентомъ въ Венеціи. Онъ подучилъ Біанку украсть драгоцѣнности у отца и бѣжать вмѣстѣ съ нимъ.

ФРАНЧЕСКО.

Приговоръ строгъ. Но, съ другой стороны, ты знаешь, что оскорбленіе, нанесенное патрицію Венеціи, не такъ-то легко прощается.

МОНДРАГОНЕ.

Но если герцогъ, такъ уважаемый республикой святого Марка, сдѣлался бы ходатаемъ...

ФРАНЧЕСКО.

Любезный Мондрагоне, мы больше не въ Мадридѣ.

МОНДРАГОНЕ.

Что вы хотите этимъ сказать, ваша свѣтлость?

ФРАНЧЕСКО.

Хочу сказать, что при дворѣ Филиппа II, хотя строгаго и подозрительнаго, я былъ чужестранцемъ и не было надобности придавать значенія юношескимъ шалостямъ принца-гостя. Но здѣсь совсѣмъ другое. Наши дѣйствія злобно изслѣдуются и перетолковываются и мое личное ходатайство за эту женщину, которая такъ много заставляетъ говорить о себѣ изъ-за своей красоты и ума...

МОНДРАГОНЕ.

Вы защищаете флорентинца, который прибѣгаетъ къ вашей свѣтлости, но не венеціанку...

ФРАНЧЕСКО.

Ты принялъ съ слишкомъ большимъ увлеченіемъ мои похвалы красотѣ Біанки Капелло, когда я увидалъ ее изъ окна дворца. Разумѣется, это было естественно, что я высказалъ желаніе увидѣть ее вблизи... Эта женщина теперь знаменита своими приключеніями... Но я бы не хотѣлъ, чтобы распространились сплетни на мой счетъ...

МОНДРАГОНЕ.

Надѣюсь, что до сихъ поръ, ваша свѣтлость, не можете пожаловаться на мою нескромность. Подумайте, я родился и былъ воспитанъ при испанскомъ дворѣ, девизъ котораго: «видѣть—и быть слѣпымъ, слышать—и быть глухимъ, разсказывать, передавать—и быть нѣмымъ».

ФРАНЧЕСКО.

И это должно быть также девизомъ двора Медичи.

МОНДРАГОНЕ.

Я никогда этого не забуду... Но я не думаю, что я поступилъ со смѣлостью, которая не понравится вашей свѣтлости. Ничего нѣтъ опаснаго въ совѣтѣ, данномъ мною Бонавентури, взять съ собой жену на аудіенцію, чтобы испросить вашего заступничества противъ угрозъ республики.

ФРАНЧЕСКО.

Какую же ты причину привелъ, чтобы онъ рѣшился на это?

МОНДРАГОНЕ.

Я сказалъ, что просьбу мужа подкрѣпитъ просьба жены.

ФРАНЧЕСКО, *смѣясь.*

Особенно такой красивой, какъ Біанка!

МОНДРАГОНЕ.

Это неудобно было говорить мужу.

ФРАНЧЕСКО.

Когда дѣло касается властителей, ревность умѣетъ дѣлать исключенія. Они скоро придутъ?

МОНДРАГОНЕ.

Должны прійти сейчасъ.

ФРАНЧЕСКО.

Однако, кажется, они не очень спѣшатъ. Ты хорошо объяснилъ имъ, что аудіенція сегодня?

МОНДРАГОНЕ.

Да, ваша свѣтлость.

ПАЖЪ, входитъ.

Синьоръ и синьора Бонавентури.

Уходитъ.

Мондрагоне кланяется и уходитъ.

ФРАНЧЕСКО.

Да, надо сознаться, эта Біанка не выходитъ у меня изъ головы...

СЦЕНА II.

Франческо, Піетро, Біанка.

ФРАНЧЕСКО

идетъ имъ на встрѣчу съ добродушнымъ видомъ все время смотритъ на Біанку..

Бонавентури, мы радуемся отъ души вашему прекрасному выбору. Вся Флоренція говоритъ о вашемъ счастьѣ.

ПІЕТРО.

Ваша свѣтлость, она будетъ говорить еще и о нашемъ несчастьѣ: мы сдѣлались цѣлью преслѣдованія Венеціи.

ФРАНЧЕСКО.

Я буду вашей защитой, синьора.

БІАНКА.

Моя благодарность, ваша свѣтлость, будетъ такъ же велика, какъ благодѣяніе, которое мы получимъ отъ васъ.

ФРАНЧЕСКО.

Я понимаю, синьора, какъ тяжело, должно-быть, вамъ. Вы живете въ чужой странѣ, васъ преслѣдуетъ злоба родныхъ. Но любовь мужа, конечно, усладитъ горечь вашихъ несчастій.

ПІЕТРО.

Ахъ, ваша свѣтлость, если бы это было такъ! Но она не перестаетъ плакать. Когда она ушла со мною, она говорила, что въ моемъ домѣ позабудетъ о своемъ и что я ей буду всѣмъ тѣмъ, что она потеряла. Но теперь, къ моему горю, я вижу ее постоянно скучающей, задумчивой.

ФРАНЧЕСКО

съ видомъ отеческаго увѣщанія.

Помните хорошенько, Піетро, что вы должны быть съ вашей женой нѣжнымъ и, вмѣстѣ, благоразумнымъ.

Не забывайте, какого она высокаго происхожденія.

БІАНКА.

Я не могу пожаловаться на моего Піетро.

ПІЕТРО.

Конечно, въ моемъ домѣ ей недостаетъ роскоши и богатства дома Капелло, но она была уже къ этому приготовлена.

ФРАНЧЕСКО.

Что касается меня, синьора, то, по-моему, любовь ваша заслуживаетъ уваженія и удивленія. Я сужу не такъ легкомысленно, какъ толпа, которая, можетъ-быть, не оправдываетъ вашего побѣга изъ родительскаго дома... и бракъ, не подходящій для дѣвушки-патриціанки. Я читаю въ вашихъ глазахъ и вижу вашу душу, одну изъ тѣхъ избранныхъ душъ, что отдаютъ всю ихъ привя-

занность человѣку, который способенъ страстно полюбить и посвятить жизнь своей любви.

БІАНКА, *радостно.*

О, какъ сладко слышать въ изгнаніи и при общемъ презрѣніи слова сочувствія!

ПІЕТРО.

Такая доброта позволяетъ намъ надѣяться на полную защиту отъ «совѣта десяти».

ФРАНЧЕСКО
съ видомъ довѣрія.

И также отъ хорошо отточеннаго кинжала одного изъ ихъ убійцъ.

БІАНКА.

О, Боже!..

ФРАНЧЕСКО.

Не тревожьтесь, синьора. Этого не случится тамъ, гдѣ управляютъ Медичи. (*Съ большою фамильярностью*). Я не долженъ бы былъ печалить васъ мыс-

лью объ опасности, которую навѣрно сумѣю отвратить отъ вашего супруга; но иногда мы не имѣемъ достаточно великодушія отказаться отъ благодарности, которую заслуживаемъ. Кромѣ того, я откровенно сознаюсь, что отъ васъ обоихъ я положительно требую расположенія и дружбы. (Меланхолически). Вѣдь я самъ такъ же молодъ, какъ вы, и у меня такъ же есть сердце, какъ и у васъ. Но я— рабъ моего сана, я—рабъ обязанностей властителя. Отъ меня далеко личное счастье, и все-таки я люблю въ другихъ это счастье, въ которомъ мнѣ отказано.

БІАНКА

смотритъ съ восторженнымъ удивленіемъ на герцога, потомъ на Піетро.

Ахъ, Піетро, твоя Флоренція съ такимъ государемъ даетъ мнѣ возможность съ меньшею печалью вспоминать о моей Венеціи.

ПІЕТРО.

Ваша свѣтлость! Не имѣю словъ, чтобы выразить вамъ...

БІАНКА, перебивая его.

Мы еще поручаемъ вашему покровительству, принцъ, несчастнаго Батиста Бонавентури, дядю моего Піетро, и Маріету Лончи, наперсницу въ нашей любви, которые въ Венеціи теперь страдаютъ въ тюрьмѣ. Они наказаны за насъ.

ФРАНЧЕСКО.

Буду ходатайствовать за этихъ несчастныхъ. Вашъ мужъ будетъ имѣть охранную грамоту для спокойнаго проживанія во Флоренціи.

ПІЕТРО.

Да благословитъ небо вашу свѣтлость за такое великодушіе къ вашимъ подданнымъ!

ФРАНЧЕСКО, улыбаясь Біанкѣ.

Вы подтверждаете, синьора, благое пожеланіе вашего мужа?

БІАНКА.

Ваша свѣтлость не сомнѣвается, что мое сердце уже предупредило это пожеланіе.

Піетро и Біанка кланяются и уходятъ.

СЦЕНА III.

Франческо Медичи, потомъ Мондрагоне и секретарь.

ФРАНЧЕСКО.

Клянусь распятіемъ, эта женщина будетъ моею! Какъ она хороша! божественно хороша! И должна принадлежать этому... этому... Глупецъ, если онъ думаетъ такъ... Она можетъ любить этого человѣка, низкаго происхожденіемъ, низкаго по уму и сердцу? Эта женщина заблуж-

дается. О, конечно, ее увлекъ красивый молодецъ! Она воображаетъ, что у него такое же прекрасное сердце, какъ его наружность. Ну, я постараюсь разувѣрить ее въ этомъ сходствѣ, и она будетъ моя. Да, моя! Я пущу въ ходъ всѣ средства. (Звонитъ, входитъ Мондрагоне). Моего секретаря. (Мондрагоне уходитъ). Нужно будетъ довѣриться Мондрагоне! Онъ владѣетъ всѣми моими тайнами. Это несносно, но что же дѣлать!.. Онъ мнѣ нуженъ, покуда. (Входитъ секретарь и Мондрагоне). Фамилія Сальвіати прибѣгла къ нашей защитѣ за своего родственника, содержимаго въ тюрьмѣ въ Венеціи, какъ соучастника побѣга Біанки Капелло съ Бонавентури. Напишите нашему посланнику, чтобы испросилъ милость Бонавентури у «совѣта десяти». Напишите убѣдительнѣе, такъ какъ я желаю, чтобъ это дѣло имѣло хорошій исходъ. (Секретарь уходитъ). Слушай, Мон-

*

драгоне, я хочу, чтобы эта венеціанка была моей. Ты понялъ?

МОНДРАГОНЕ.

Я весь къ услугамъ вашей свѣтлости.

КАРТИНА II.

Комната въ домѣ Піетро Бонавентури. Въ глубинѣ сцены окно съ балкономъ. Направо отворенная дверь, сквозь которую видны ступени лѣстницы.

СЦЕНА I.

МАРГАРИТА

одна, сидитъ въ задумчивости.

По крайней мѣрѣ, во время осады была еще храбрая молодежь, умѣвшая умирать. Были сильныя женщины, просившія ихъ убить, такъ какъ съ ними умирало отечество. О, еслибъ я тоже умерла тогда! Не видала бы я себя теперь ни вдовой храбраго гражданина, посреди стада

овецъ и барановъ, ни матерью сынка, для котораго сильнѣе соблазны времени, чѣмъ мои чувства, ни свекровью патриціанки, у которой больше гордости и тщеславія, чѣмъ женственной скромности. Страсть привлекла ее сюда! Хорошее извиненіе, нечего сказать! (Встаетъ). Она попала въ пасть волка. Нужно очень было Піетро идти просить защиты у герцога вмѣстѣ съ ней, и по внушенію испанца? (Смотритъ изъ окна). Вотъ она идетъ—чванливая, жеманная. Пусть она не воображаетъ, что со своими шестью тысячами червонцевъ и драгоцѣнными камнями измѣнитъ порядокъ моего дома.

СЦЕНА II.

Маргарита, Біанка и Піетро.

ПІЕТРО.

Хорошія новости, мать,—его свѣтлость за насъ. Завтра я буду имѣть охранную грамоту.

БІАНКА.

Теперь вамъ изъ-за меня нечего бояться за Піетро.

МАРГАРИТА.

Не знаю, чего слѣдуетъ больше бояться: гнѣва или милости герцога.

БІАНКА, весело.

Ну, матушка, будьте же повеселѣе и подобрѣе, успокойтесь. Видите ли, теперь должны мы быть всѣ довольны. Я также буду меньше скучать, обѣщаю вамъ это. Вы должны бы были быть снисходительны къ моимъ печалямъ первыхъ дней. Я плакала о моемъ домѣ, объ опасности для Піетро по моей винѣ, о преслѣдованіяхъ дяди Батиста, о бѣдной Маріетѣ. Но его свѣтлость всѣхъ насъ утѣшитъ. Онъ обѣщалъ это. Не правда ли, Піетро?

ПІЕТРО.

Совершенно вѣрно. Я убѣжденъ, что если бы вы, мать, были съ нами въ тотъ день, когда насъ принялъ герцогъ, то остались бы довольны. Вѣрьте, чтобы узнать человѣка, надо познакомиться съ нимъ. Онъ привѣтливъ, чувствуетъ совершенно такъ же, какъ и мы, народъ, какъ молодежь.

МАРГАРИТА.

Довольно Піетро, стыдись! Еслибъ хорошее обхожденіе дона Франческо было бы для насъ его закономъ! Но надо смотрѣть не на слова, а на поступки государя. Ахъ, бѣдная Флоренція! У твоей молодежи затмился умъ! Кстати о темнотѣ: синьора Біанка, подите-ка въ кухню, засвѣтите огонь, уже наступаетъ ночь.

Біанка, печальная, въ молчаніи уходитъ.

МАРГАРИТА

смотря ей вслѣдъ, съ горькой улыбкой.

Привыкнетъ.

ПІЕТРО.

Тяжело видѣть, что она должна привыкать къ нашему положенію...

МАРГАРИТА.

Стряхни дурь съ себя, глупецъ! Открой глаза: эта женщина раскаивается въ своемъ поступкѣ. Ради нея былъ съ тобою любезенъ герцогъ. Открой глаза, говорю тебѣ; у нея вмѣсто сердца вулканъ. Погаси его.

ПІЕТРО.

Слушайте, мать! Вы вѣчно меня раздражаете. Неужели Біанка должна быть демономъ только изъ-за того, что она патриціанка? Біанка меня любитъ, и она моя. Она не пожертвовала бы столькимъ, еслибъ не любила меня сильно. Если герцогъ былъ любезенъ со мной ради ея, — тѣмъ хуже для него, потому что онъ будетъ имѣть дѣло съ женщиной, преданной своему мужу; и тѣмъ лучше

для меня, потому что я буду имѣть кое-какія преимущества.

МАРГАРИТА.

И такъ говоритъ и думаетъ мой сынъ!

Біанка входитъ съ огнемъ.

МАРГАРИТА.

Сегодняшній вечеръ, синьора Біанка, я проведу съ одной изъ нашихъ·сосѣдокъ. Вы остаетесь, приготовьте ужинъ. Уходитъ.

СЦЕНА II.

Піетро и Біанка.

ПІЕТРО

обращаясь къ Біанкѣ, сидящей печально.

Вотъ, ты опять скучная, печальная, какъ всегда. А еще сейчасъ обѣщала вернуться къ прежнему хорошему и веселому расположенію духа...

БІАНКА.

Ахъ, Піетро! Какія печальныя разочарованія нахожу я во всемъ... во всемъ!

ПІЕТРО.

Ты меня укоряешь за мое положеніе. Впервые ты мнѣ это говоришь. Но вѣдь я тебя предупреждалъ, я говорилъ.

БІАНКА.

О, нѣтъ, нѣтъ; ты меня не понялъ, и теперь не понимаешь. Не бѣдность твоя меня огорчаетъ, нѣтъ... нѣтъ...

ПІЕТРО.

Но, что же, однако? Рѣзкости моей матери? Не обращай вниманія: старухи всѣ ворчливы, у нихъ свои предубѣжденія. Онѣ любятъ только старину. Терпѣніе, моя мать стара.

БІАНКА

глядя на Піетро съ печалью.

О, Боже, какъ можешь ты надѣяться смертью твоей матери утѣ-

шить меня? Ахъ, Піетро, вспомни, какъ было въ Венеціи: ты появлялся подъ моимъ балкономъ такой красивый, съ улыбкой, восхищавшей всю мою душу! И твои взгляды влюбленные понимали мое чувство безъ словъ! О, скажи мнѣ, Піетро, какимъ ты былъ тогда? Я видѣла въ твоей душѣ свою! А теперь?.. Я не узнаю больше ни тебя, ни себя.

ПІЕТРО.

Какъ, Біанка, возможно ли, ты меня не понимаешь?

БІАНКА.

Я хотѣла сдѣлать тебѣ тотъ же вопросъ. Ты меня больше не любишь? У тебя нѣтъ для меня тѣхъ взглядовъ, звука голоса, сладкихъ нѣжныхъ словъ первыхъ дней нашей любви? О, Піетро, ради Бога, ради Бога, возврати мнѣ прошлые дни!

*

Если потерялъ ихъ, то потеряешь мое сердце.

ПІЕТРО, удивленный.

Моя мать говорила правду, что у тебя вмѣсто души вулканъ... Но что значитъ эти рѣчи, Біанка? Я все тотъ же. Ты—моя прекрасная Біанка. Я тебя очень люблю, но только твое сердце измѣнилось. Меня удивляетъ, что ты меня считаешь непостояннымъ.

БІАНКА

смотритъ на него, потомъ съ отчаяніемъ восклицаетъ.

О, мой отецъ, моя мать!.. мой домъ!..

ПІЕТРО.

Вотъ, ты должна сознаться, что наше низкое общественное положеніе охладило любовь твою ко мнѣ. Видимо, для тебя мои глаза, мой голосъ, мои слова не такіе, какъ прежде.

БІАНКА.

Но скажи мнѣ Піетро, что такое любовь безъ взаимной передачи мыслей, чувствъ? Твои желанія не мои, мои радости, мои печали не твои. Мнѣ кажутся чуждыми твои впечатлѣнія, какъ и тебѣ мои. Я понимаю одно: ты не находишь словъ для меня, у меня нѣтъ радостныхъ рѣчей для тебя. Ты меня оставляешь съ твоей матерью, которая мнѣ не сочувствуетъ и не понимаетъ меня, всегда дурно говоритъ о тебѣ, ненавидитъ все ее окружающее. Ахъ Піетро, Піетро, этого ли ждала отъ тебя Біанка Капелло!

ПІЕТРО.

Ну, и что же я долженъ сдѣлать? Пойти на рынокъ и купить себѣ другую голову? Это однако очень интересно: вотъ у меня мать и жена, обѣ недовольны мною, и съ утра до вечера упрекаютъ меня въ глупости,

потому что я не думаю такъ, какъ онѣ! А что мнѣ сдѣлать, чтобы были довольны обѣ? Чтобы угодить матери, я долженъ пренебрегать женою и стать заговорщикомъ. Чтобы угодить женѣ, не долженъ выходить изъ дому, вздыхать возлѣ нея, глядя на облака и считая звѣзды. Затѣмъ, что мнѣ остается? Вотъ что: когда дома не хорошій воздухъ, надо набросить свой плащъ на плечи, надѣть на голову беретъ и уйти, пожелавъ тѣмъ, кто остается, доброй ночи и лучшаго расположенія духа.

Уходитъ.

СЦЕНА III.

БІАНКА, одна.

Вотъ мои мечты и потеряны! Этотъ человѣкъ—низкій, презрѣнный, какъ его домъ, какъ его друзья, какъ его ужасная мать, что съ своей плебейской гордостью нахально отрицаетъ

всякое приличіе. И я покинула мой домъ и столько прелестей жизни ради этихъ людей, для этой лачуги? Я не угодила Піетро? Да развѣ онъ мнѣ говорилъ о своемъ положеніи?.. Ахъ, да, но очень поверхностно, а все только о моей красотѣ, и клялся въ любви. Я смотрѣла ему въ лицо и читала въ немъ подтвержденіе всѣхъ моихъ дорогихъ надеждъ и увѣреніе въ сбыточности моихъ грезъ! (Съ минуту молчитъ). Послѣ вѣжливаго и пріятнаго обхожденія герцога, увидавъ роскошь дворца, жить здѣсь въ этой лачугѣ и думать, что не это было назначено мнѣ судьбой... (Вынимаетъ изъ-за лифа ключъ, идетъ и открываетъ шкатулку съ драгоцѣнностями). Эта діадема больше не для меня. Свекровь говорила, что лучше бы продать ее, потому что она не нужна для жены простолюдина. Діадему моей матери! И мою также! Да, мою. Я вѣдь Бі-

анка Капелло, венеціанская патриціанка. (Надѣваетъ діадему на голову).

За окномъ слышно пѣніе испанскаго романса.

«En Paris est dona Alda *
«La esposa di don Roldan.
«Trezienias damas conella
«Para l'acompanar
«Todas visten in vestido
«Todas calzan un calzar».

Что это за пѣніе подъ моимъ балкономъ? (Идетъ къ окну). Человѣкъ стоитъ подъ окномъ. Другой подходитъ, закутанный въ плащъ, смотритъ вверхъ, сюда. Боже мой, это герцогъ! Ахъ, что будетъ?.. Я боюсь... Запру эту дверь. (Бросается къ двери).

* Въ Парижѣ донна Альда
Супруга дона Рольданъ.
Триста дамъ съ нею
Ее сопровождаютъ,
Всѣ одинаковы одѣты,
Всѣ одинаково обуты.

СЦЕНА IV.

Въ то время, какъ Біанка хочетъ запереть двери, входитъ Франческо Медичи.

ФРАНЧЕСКО.

Синьора, вы не хотите впустить вашего герцога?

БІАНКА.

Синьоръ, вы входите въ такой поздній часъ къ женщинѣ... И притомъ входите насильно. Простите, но такимъ страннымъ поведеніемъ герцогъ самъ отказывается отъ уваженія къ его власти и сану.

ФРАНЧЕСКО.

Я надѣялся на другое право, кромѣ моей власти и моего сана. Я разсчитывалъ, что право благодарности доставитъ мнѣ пріемъ не такой суровый...

БІАНКА.

Я не заслужила такого упрека, ваша свѣтлость. Я не могла думать,

чтобы ваша свѣтлость могли прійти въ нашъ бѣдный домъ...

ФРАНЧЕСКО.

Значитъ, вашъ суровый пріемъ былъ не для меня?

БІАНКА гордо.

Для всякаго, кто не могъ бы объяснить мнѣ причины таинственнаго и подозрительнаго посѣщенія...

ФРАНЧЕСКО
приближаясь къ ней.

А, вы хотите узнать это, синьора? Я вамъ сейчасъ скажу. Я хотѣлъ застать васъ одну, вы понимаете? Мнѣ извѣстно, что мать вашего мужа относится съ недовѣріемъ къ вамъ и... ненавидитъ въ моемъ лицѣ то, что другіе считаютъ верховной властью, а она—деспотизмомъ. Я предпочелъ лучше показаться въ вашихъ глазахъ немного легкомысленнымъ, чѣмъ встрѣтить въ этомъ домѣ, можетъ-

быть, непочтительный пріемъ отъ старой и невоздержной республиканки...

БІАНКА.

Вѣдь мать моего мужа можетъ прійти каждую минуту и — тогда, синьоръ...

ФРАНЧЕСКО.

Не безпокойтесь. Пѣсня, которая предупредила меня, что вы одна въ домѣ, предупредитъ меня, если кто войдетъ сюда.

БІАНКА.

Но если, ваша свѣтлость, вы вошли сюда съ такими предосторожностями, то, значитъ, вы... имѣете что-нибудь важное сказать мнѣ?

ФРАНЧЕСКО.

Да. Вы въ чужомъ городѣ. Васъ, можетъ-быть, окружаютъ опасности, враги. Я знаю это. Вы имѣете нужду въ сильномъ покровителѣ, который могъ бы охранить васъ и доставить

*

вамъ должное уваженіе среди этихъ плебеевъ, куда васъ забросила ваша несчастная судьба.

БІАНКА.

Ваша свѣтлость, я не жалуюсь на свою судьбу...

ФРАНЧЕСКО.

Нѣтъ, нѣтъ, не скрывайте отъ меня, прелестная женщина. Я понимаю ваше благородное смиреніе передъ судьбой и вашу благородную скромность. Но я все-таки знаю хорошо ваше положеніе и скажу вамъ прямо: вы драгоцѣнный камень, упавшій въ кучу мусора. И я печалюсь за ваше положеніе. Такая красота была бы достойна королевской діадемы, а между тѣмъ... Но что это? Я вижу на вашей головѣ діадему?!

БІАНКА *въ смущеніи.*

Ахъ, ваша свѣтлость, не обращайте вниманія на это... Я сидѣла одна,

мнѣ было грустно, я вспоминала о моемъ домѣ, объ отцѣ, о моей матери. Увлекшись воспоминаніями, я надѣла эту діадему, діадему моей матери... Ахъ, я чувствую, что моя голова, быть-можетъ, уже обреченная судьбою, не достойна носить этотъ уборъ... (Снимаетъ діадему).

ФРАНЧЕСКО

снова надѣваетъ діадему на ея голову.

Останьтесь въ ней, прошу васъ. Я хочу видѣть васъ такою. Не потому, чтобы ваша красота нуждалась въ помощи этого убора, но потому, что вы рождены для него. Видя васъ въ діадемѣ, я обманываю себя и ваша печальная участь кажется мнѣ менѣе жестокой.

БІАНКА.

Ваша свѣтлость, вы еще болѣе усиливаете мою печаль этими словами.

ФРАНЧЕСКО.

Почему же? Я думаю, всегда пріятно найти другое сердце, раздѣляющее нашу печаль, наши страданія. Но здѣсь, въ этомъ домѣ, конечно, вамъ ставятъ въ преступленіе вашу благородную печаль...

БІАНКА.

Ваша свѣтлость, вы сейчасъ сказали, что важная причина привела васъ сюда?

ФРАНЧЕСКО.

Да, да. Разумѣется, очень важная причина. Я желалъ предложить вамъ тайное покровительство (смѣется). Тайное покровительство! Видите, даже герцогъ дѣлается чуть ли не заговорщикомъ здѣсь, въ жилищѣ старой Бонавентури. Но не бойтесь: я предлагаю вамъ хотя и тайное покровительство, но это покровительство совсѣмъ не преступно: я желаю быть вашимъ другомъ, братомъ. Вы

на чужбинѣ. Вы одиноки. У васъ нѣтъ здѣсь родныхъ. А тѣ, которыхъ вы покинули въ Венеціи, васъ ненавидятъ и проклинаютъ. Вамъ нуженъ сильный покровитель, не правда ли, синьора?

БІАНКА гордо.

Благодарю васъ, ваша свѣтлость. Но я уже имѣю сильнаго покровителя.

ФРАНЧЕСКО удивленно.

Да? Кого же?

БІАНКА.

Бога.

ФРАНЧЕСКО
съ лицемѣрнымъ благочестіемъ наклоняетъ голову.

О, конечно. При всей моей власти я не могу равняться съ этимъ небеснымъ покровителемъ. Однако, все же здѣсь, во Флоренціи, я кое что значу и кое что могу... Но я чувствую, что, быть-можетъ, невольно

оскорбилъ васъ. Слово покровительство не годится по отношенію той, которой родъ столь же славенъ и знатенъ, какъ родъ Медичи. Вѣдь, если не ошибаюсь, синьора, ваша матушка изъ благороднаго дома Морóзини, а Томазина Морозини нѣкогда носила съ гордостью венгерскую корону? Да, да, нужно другое слово для выраженія того чувства, которое овладѣваетъ мною, когда я думаю о васъ. Скажу прямо: я предлагаю вамъ мою любовь, Біанка.

БІАНКА.

Ваша свѣтлость...

ФРАНЧЕСКО.

О, не смущайтесь, синьора, позвольте мнѣ высказать все... Да, любовь. Но любовь чистую, которая будетъ васъ поддерживать въ минуты горя и разочарованій. Выслушайте меня. Вѣдь тотъ человѣкъ, для котораго вы пренебрегли отцовскимъ

проклятіемъ и изгнаніемъ изъ родной земли,—онъ не можетъ оцѣнить сокровища, посланнаго ему судьбою. Онъ плебей. Онъ не понимаетъ васъ. Онъ грубо наслаждается вашей красотой. Но онъ слѣпъ и не видитъ чуднаго луча благородной прелести, что озаряетъ васъ всю, всю. Вы царица, а онъ... Развѣ рабъ можетъ понять величіе царицы и ея любовь?.. Простите меня, простите, Біанка. Можетъ-быть... вамъ кажутся оскорбительными мои слова, вы считаете меня преступнымъ соблазнителемъ... О, не думайте такъ, умоляю васъ. Я потому говорю вамъ все это такъ прямо, что сознаю честность моихъ чувствъ и намѣреній по отношенію къ вамъ. Притомъ, время идетъ, я боюсь, что мнѣ помѣшаютъ высказать вамъ все, что другіе могли бы принять совсѣмъ не въ томъ невинномъ смыслѣ, которымъ проникнуты мои слова и побужденія.

БІАНКА.

Я также боюсь этого, синьоръ... Я не должна бы слышать такія рѣчи. По крайней мѣрѣ, обязанности жены запрещаютъ мнѣ это.

ФРАНЧЕСКО.

О, я уважаю ваши обязанности, не сомнѣвайтесь въ этомъ. Вѣдь я ничего не требую отъ васъ. Я только хотѣлъ дать вамъ понять, что вы не одиноки во Флоренціи, о васъ будетъ заботиться постоянно тотъ, кто сочувствуетъ вашимъ печалямъ, уважаетъ вашу добродѣтель и желаетъ только одного: сдѣлать васъ счастливой.

БІАНКА.

Ваша свѣтлость, вы все настаиваете на томъ, что я несчастна... Я вамъ этого не говорила... Но все же я глубоко благодарна за ваши добрыя слова. Для меня такія слова новы здѣсь, во Флоренціи. Но я боюсь,

я боюсь... Бога ради, ваша свѣтлость, не выдайте меня. Позвольте мнѣ, чтобы о моихъ печаляхъ и бѣдствіяхъ знало только мое бѣдное сердце и одно только оно заботилось о нихъ.

ФРАНЧЕСКО.

Какъ, вы хотите быть одинокой въ тяжелой борьбѣ? Нѣтъ, нѣтъ, Біанка! Невозможно, чтобы я покинулъ васъ теперь, послѣ всего, что я вамъ высказалъ и вы такъ довѣрчиво отвѣтили мнѣ. Вы видите, наши сердца соединены какою-то таинственной связью. О, не бойтесь; я уважаю тѣ узы, которыя васъ соединяютъ съ другимъ. Искренній союзъ нашихъ сердецъ не можетъ оскорбить этотъ формальный союзъ. Я прошу васъ позволить мнѣ только одно: видѣть васъ и собирать сокровища вашего сердца—радости его и печали. Вѣдь, не правда ли, вамъ будетъ пріятно постоянно думать, что есть другая

душа, отзывающаяся на всѣ порывы вашей души? Кто знаетъ, быть-можетъ, не далекъ день, когда вамъ нужна будетъ помощь и вы...

За сценой слышно пѣніе Мондрагоне.

Todas yisten in vestido,
Todas calsan un calsar.

БІАНКА.

О, Боже!.. Герцогъ, я погибла...

ФРАНЧЕСКО.

Не тревожьтесь. Я ухожу. Мы увидимся, надѣюсь, и скоро?

БІАНКА.

Я не знаю, герцогъ... Умоляю васъ, не медлите...

ФРАНЧЕСКО цѣлуетъ ей руку.

Прощайте, Біанка. Не забывайте вашего друга, вашего брата. Какъ мнѣ грустно уходить отъ васъ... какъ я васъ люблю... До свиданія. (Закутывается въ плащъ и быстро уходитъ въ дверь; на лѣстницѣ встрѣчается съ Маргаритой. Маргарита въ изумленіи останавливается. Герцогъ закрывъ лицо, проходитъ мимо нея молча).

СЦЕНА V.

МАРГАРИТА

бросается къ смущенной Біанкѣ.

Мужчина! Здѣсь! Ночью! Распутница! Такъ вотъ какими дѣлами заниматься ты пришла въ нашъ честный домъ! (Въ ярости сжимаетъ ей руку и грозитъ).

БІАНКА въ слезахъ вырывается.

Оставьте меня, жестокая женщина!

МАРГАРИТА.

Оставить тебя! Ты будешь пускать къ себѣ любовниковъ, а мать твоего мужа должна оставить тебя! Нѣтъ, голубушка, нѣтъ, венеціанская бѣлоручка! Я не оставлю тебя. Кто тотъ мерзавецъ? Кто твой любовникъ, а? Говори: кто онъ?

СЦЕНА VI

ПIЕТРО входитъ пьяный.

Э! Что за исторія? Потише, потише, матушка! Вы такъ кричите, что вашъ голосъ раздается даже на улицѣ. А это не годится, матушка. Скандалъ въ семействѣ. Могутъ слышать не только сосѣди, а иногда и такіе важные люди, такіе важные люди...

МАРГАРИТА.

Безсовѣстный пьяница! Что за глупости бормочешь ты?..

БОНАВЕНТУРИ.

Нѣтъ, матушка, ты не того... ты не говори. Не глупости. Я сейчасъ видѣлъ: около нашего дома былъ герцогъ. Я узналъ его: онъ шелъ съ своимъ вѣрнымъ слугою и нашимъ покровителемъ синьоромъ Мондрагоне.

МАРГАРИТА.

Я бы желала, чтобы и герцогъ и герцогскіе мерзавцы были подальше отъ моего дома. А, какое мнѣ до нихъ дѣло! Тебѣ вотъ съ пьяныхъ глазъ чудятся герцоги, бродящіе на улицѣ, а ты не видишь, какъ отъ твоей жены ночью выходятъ любовники.

БОНАВЕНТУРИ.

Мать, что ты говоришь! Мать?!

МАРГАРИТА.

Говорю, что видѣла. Сейчасъ отъ твоей жены вышелъ мужчина. Я встрѣтила его на лѣстницѣ.

БОНАВЕНТУРИ.

Біанка, что она говоритъ? это правда? Біанка? что же ты молчишь?

БІАНКА.

Да, правда.

БОНАВЕНТУРИ.

А! вотъ какъ! Кто же это былъ?

БІАНКА.

Герцогъ.

БОНАВЕНТУРИ.

Что? Герцогъ? Герцогъ былъ здѣсь? У насъ въ домѣ? У тебя? Герцогъ?

БІАНКА.

Я тебѣ сказала: здѣсь былъ герцогъ.

МАРГАРИТА.

Такъ вотъ что! О, я предчувствовала это! Я говорила тебѣ, Піетро. Вотъ для чего этотъ подлый испанецъ Мондрагоне совѣтовалъ тебѣ вести жену во дворецъ. Проклятый сводникъ! Онъ зналъ, что дѣлаетъ. А ты, глупецъ, ты думалъ... Вотъ, взгляни-ка на свою милую патриціанку: она разукрасилась драгоцѣннымъ уборомъ, чтобы тайно принять герцога и подороже продаться ему! Смотри на нее, такъ всегда дѣлаютъ знатныя куртизанки Венеціи. Про-

клятая развратница! Она принесла позоръ въ нашъ честный домъ... Она...

БОНАВЕНТУРИ.

Нѣтъ, нѣтъ, положди. Оставь свои ругательства. Если герцогъ вошелъ въ мой домъ, значитъ, онъ даетъ мнѣ право войти къ нему во дворецъ. А это не такъ худо,—какъ ты думаешь, мать. Наши обстоятельства могутъ поправиться такъ, какъ ты и не ожидаешь...

МАРГАРИТА.

И ты говоришь это. Ты—мой сынъ! Сынъ—гражданина Флоренціи, погибшаго въ бою за свободу! Ты говоришь такія подлыя слова своей матери! Флоренція! до какихъ позорныхъ временъ дожила ты! До какихъ позорныхъ временъ дожила я! Горе, горе, горе!... (Рыдая падаетъ на полъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Павильонъ въ саду палаццо Питти. Въ глубинѣ сцены рядъ мраморныхъ іоническихъ колоннъ; за ними цвѣтникъ; посрединѣ цвѣтника фонтанъ; далѣе прудъ и группа деревьевъ. Весь садъ освѣщенъ яркимъ луннымъ свѣтомъ и огнями, горящими въ бронзовыхъ треножникахъ. На авансценѣ, направо, большая полукруглая мраморная скамья въ античномъ стилѣ, приставленная къ высокому полукруглому цоколю съ балюстрадой. На пьедесталахъ балюстрады вазы съ пальмами и латаніями и статуи. Въ лѣвой стѣнѣ павильона большая ниша. Въ глубинѣ ниши статуя Венеры.—Издали доносится веселая музыка.

СЦЕНА I.

ФРАНЧЕСКО

сидитъ на скамьѣ, распахнувъ черное домино, подъ которымъ богатое герцогское одѣяніе; въ рукѣ у него маска.

Эта венеціанка измучила меня. Я думалъ, что дѣло обойдется легко.

Вышло иначе. Я просто безъ ума отъ нея, а она... Вотъ, говорятъ, что венеціанскія женщины столько же легкомысленны, сколько страстны. Я начинаю думать, что эта ходячая молва—вздоръ. По крайней мѣрѣ, Біанка... (Входитъ Мондрагоне въ костюмѣ капуцина. Франческо съ живостью обращается къ нему). Ну?

МОНДРАГОНЕ.

Я передалъ, ваша свѣтлость, ваше желаніе синьорѣ Біанкѣ. Какъ только кончится танецъ вакханокъ, она будетъ здѣсь...

ФРАНЧЕСКО.

Хорошо.

МОНДРАГОНЕ заискивающимъ тономъ.

Синьора Біанка затмила всѣхъ своей красотой на праздникѣ... Счастье любви даже самую красивую даму дѣлаетъ еще прекраснѣе. Особенно, если эту любовь дама раздѣляетъ съ властителемъ...

ФРАНЧЕСКО хмурясь.

Ты ошибаешься, Мондрагоне, ты ошибаешься. Если Біанка кажется прекрасной, то въ этомъ любовь ко мнѣ не играетъ никакой роли. Кажется, она любитъ до сихъ поръ только одного человѣка — своего мужа.

МОНДРАГОНЕ.

Вы изволите шутить, ваша свѣтлость.

ФРАНЧЕСКО.

Я повторяю тебѣ: она любитъ только Бонавентури. Этотъ красивый и грубый негодяй ужасно счастливъ въ женщинахъ: отъ такихъ молодцовъ женщины всегда бываютъ безъ ума. Что касается меня, то она холодна ко мнѣ. Нѣтъ, даже больше чѣмъ холодна,—она равнодушна.

МОНДРАГОНЕ.

Какъ, ваша свѣтлость! Послѣ всего того, что вы сдѣлали для нея и ея мужа? Они жили въ лачугѣ, онъ

былъ неизвѣстный бѣднякъ. Теперь они осыпаны вашими милостями. Они живутъ во дворцѣ. Бонавентури въ вашей свитѣ. Вы окружаете роскошью и весельемъ синьору Біанку. Вы для нея даете великолѣпные праздники, вотъ какъ нынѣшній. Вы дарите ей цѣлыя богатства... чуть не каждый день...

ФРАНЧЕСКО.

Я дарю ей больше, чѣмъ всякія драгоцѣнности: я дарю ей свое сердце. Ни богатствомъ, ни моей любовью я не могу купить ея любви. А между тѣмъ негодяй Бонавентури не только ничего не даритъ ей, но все тратитъ, издѣвается надъ ея сердцемъ и все-таки — вотъ, поди, пойми женщину!—она остается добродѣтельною и вѣрною женой.

МОНДРАГОНЕ.

Ваша свѣтлость, но вѣдь онъ ей измѣняетъ, онъ бѣгаетъ за всѣми

придворными дамами, этотъ вѣтренный глупецъ. Наконецъ, его интрига съ Кассандрою Риччи, ваша свѣтлость? Неужели только мужъ Кассандры да жена Бонавентури ничего не видятъ и не знаютъ объ этомъ?

ФРАНЧЕСКО.

Можетъ-быть, она и видитъ. Но она не вѣритъ. Понимаешь ты это: она не вѣритъ. Когда женщина влюблена, она вѣритъ только тому, кого любитъ. Покуда этотъ Бонавентури съ нею, я не могу разсчитывать на успѣхъ. Его надо удалить. Я уже говорилъ ему, что намѣренъ дать ему порученіе во Францію. Быть-можетъ, при дворѣ Валуа красивому негодяю свернутъ шею французскіе головорѣзы.

МОНДРАГОНЕ.

Ваша свѣтлость, если дѣло въ этомъ, такъ это можно сдѣлать и здѣсь. Дайте только приказаніе, ваша свѣтлость.

ФРАНЧЕСКО.

Я не даю никакихъ приказаній. Но если это нужно для кого-нибудь, напримѣръ, для тебя, то... Вѣдь на красавца Бонавентури заглядываются многія дамы; между ними, кажется, и твоя жена, а?

МОНДРАГОНЕ *смѣется.*

Алоизія?... О, нѣтъ, ваша свѣтлость, она слишкомъ умна для этого. Но если вы думаете, ваша свѣтлость, что въ качествѣ ревниваго мужа я могъ бы дать хорощій ударъ стилетомъ кому бы то ни было, хотя бы этому Бонавентури... то, конечно, я готовъ.

ФРАНЧЕСКО.

Я ничего не думаю. Это твое дѣло. Понимаешь: т в о е дѣло. Я не хочу быть замѣшаннымъ тутъ, я не долженъ. Если ты не дуракъ, то сообразишь, что мое участіе въ убійствѣ мужа не можетъ мнѣ сослужить хорошей службы у Біанки.

МОНДРАГОНЕ.

Но все же, ваша свѣтлость, въ такомъ дѣлѣ...

ФРАНЧЕСКО.

Довольно. Слуги государя должны дѣлать такія дѣла, а не болтать о нихъ. Вотъ все, что я могу приказать тебѣ.

БІАНКА
за сценой, тихо напѣвая.

Occhi miei, mentre ch'io vi giro
Nel bel viso di quella che v'ha morti...

ФРАНЧЕСКО.

Это голосъ Біанки. Уйди. Но будь недалеко.

Мондрагоне кланяется и быстро уходитъ.

СЦЕНА II.

Входитъ Біанка. На ней черное бархатное платье съ высокимъ воротникомъ, слегка вышитое золотомъ; на головѣ діадема, на шеѣ золотая цѣпь съ большимъ крестомъ; поясъ золотой съ аграфомъ; весь нарядъ украшенъ жемчугомъ и крупными рубинами. Въ рукѣ у нея маска.

ФРАНЧЕСКО
порывисто встаетъ и идетъ ей навстрѣчу.

Какъ вы прекрасны, Біанка, въ этомъ нарядѣ!

БІАНКА.

Ваша свѣтлость, вы желали. .

ФРАНЧЕСКО.

Я желалъ поговорить съ вами вдали отъ шума праздника. Ну, весело ли вамъ, Біанка, на моемъ праздникѣ? Развлекли васъ эти роскошныя забавы?

БІАНКА.

Праздникъ великолѣпенъ и веселъ;
Мои глаза удивлены и увлечены всѣмъ
Что я здѣсь вижу;
Но я не могу не признаться, ваша свѣтлость:
Призракъ тоски и печали
Своимъ темнымъ саваномъ
Заслоняетъ отъ меня этотъ блескъ,
И звуки радостныхъ пѣсенъ и танцевъ
Не могутъ разсѣять моихъ горькихъ думъ.

ФРАНЧЕСКО.

О чемъ вы печалитесь, дорогая Біанка?

У васъ есть все для радости и счастія:
Молодость, красота и любовь;
На ихъ волшебныхъ и могучихъ
крыльяхъ
Вы можете свободно летѣть туда,
Куда влечетъ васъ ваше чудное
сердце:
Въ лазурную, таинственную даль
Страстныхъ восторговъ и мечтаній.

БІАНКА.

Я влеклась туда и упала съ этого
неба,
Разбитая и усталая душою.

ФРАНЧЕСКО.

Такъ вы раскаиваетесь, Біанка,
Въ томъ, что сдѣлали невѣрный шагъ,
Связавъ свою судьбу съ вашимъ му-
жемъ?

БІАНКА.

Я раскаиваюсь только въ одномъ
грѣхѣ:
Мой грѣхъ — любовь. Покорная ея
зову,

Я покинула семью и родину
И отдала мою душу Бонавентури.
Когда онъ явился передо мною
Въ полномъ блескѣ молодости,
Въ свѣтломъ ореолѣ первой страсти
Я признала его моимъ божествомъ
И поддалась неудержимому очарованію.
Мнѣ казалось, что моя душа расцвѣтаетъ
И передъ ней раскрывается тайна,
Неизвѣданная, сладкая тайна жизни...
Это былъ сонъ. Теперь я проснулась,
Я вижу,—меня окружаетъ мракъ и холодъ.

ФРАНЧЕСКО.

Я понимаю, что васъ мучаетъ и убиваетъ. Вашъ мужъ очень красивъ. Онъ нравится женщинамъ. Но въ его пылкомъ характерѣ, кажется, есть непріятныя черты: онъ грубъ, легкомысленъ и лживъ.

БІАНКА.

Да, это правда, къ несчастію...
Когда онъ ввелъ меня въ домъ своей
матери,
Какъ мрачна и жалка была моя
жизнь тамъ,
Какъ отвратительно со мной обходи-
лись!
Я не могла свыкнуться съ моей
участью:
Гордая дочь Капелло я была тамъ
въ плѣну...
Какъ жалѣла я о родномъ домѣ,
Какъ я желала вернуться въ Венецію
Къ прежнимъ свѣтлымъ и изящнымъ
радостямъ!..
Я горевала одинокою, въ нѣмой пе-
чали,
Пока вы, Франческо, не удостоили
меня
Своимъ вниманіемъ.

ФРАНЧЕСКО.

Я съ восторгомъ вспоминаю тотъ день, когда я увидѣлъ васъ впер-

вые. Я почувствовалъ, что я очарованъ, что я стою передъ царицей моей души. И если мнѣ выпало на долю счастье измѣнить вашу грустную участь, доставить вамъ положеніе, достойное вашего сердца и вашей красоты,—я считаю это за особую милость судьбы ко мнѣ.

БІАНКА.

Я вамъ глубоко благодарна. Но моя участь измѣнилась только по наружности. Благодаря вашей благосклонности, я окружена роскошью и блескомъ. Однако, вѣдь, кругомъ меня все-таки ненависть и презрѣніе. Гордыя своей показной добродѣтелью, дамы вашего двора обходятся со мной холодно и высокомѣрно; народъ преслѣдуетъ меня своей непріязнью, какъ чужеземку. Про меня повторяютъ во Флоренціи глупую клевету: называютъ меня колдуньей, завладѣвшей вами, Фран-

ческо. Все это я должна терпѣть и выносить здѣсь. За что? Въ чемъ мое преступленіе? Въ томъ что я убѣжала изъ Венеціи съ человѣкомъ, котораго любила? Но, вѣдь, если бы я не сдѣлала этого, если бы открыли нашу любовь,—онъ умеръ бы въ темницѣ, а я увядала бы теперь въ монастырѣ. Свобода и счастье были бы потеряны на-вѣкъ и для меня, и для Бонавентури. Мы оба должны бы были схоронить въ могилѣ нашу молодость... Ахъ, сколько я выстрадала изъ-за моей любви, сколько я выстрадала! И сколько еще мукъ впереди... сколько мукъ. (Плачетъ).

ФРАНЧЕСКО.

Успокойтесь Біанка. Позабудьте ваше горькое прошлое. Въ будущемъ, вѣрьте мнѣ, васъ ждетъ безмятежное счастье и свѣтлыя радости. Ручаюсь въ этомъ вамъ словомъ герцога: я буду бороться за васъ съ судьбою и съ людьми и надѣюсь...

БІАНКА.

О, какъ вы добры, Франческо. какъ великодушны!..

ФРАНЧЕСКО.

Но повторяю, вамъ нужно забыть ваше печальное прошлое, а въ настоящемъ... въ настоящемъ, Біанка, надо устранить то, что напоминаетъ вамъ горе и заблужденіе вашей неудавшейся первой любви. Я прежде всего разумѣю тутъ вашего мужа. Васъ не должно смущать это, вы въ правѣ такъ поступить, потому что Бонавентури, — простите мнѣ эту правду,—вамъ измѣняетъ. Извѣстно ли вамъ что-нибудь о его отношеніяхъ къ Кассандрѣ Риччи?

БІАНКА.

О, мнѣ ничего неизвѣстно... Но я давно чувствую, что онъ меня обманываетъ. Я чувствую также, что моя любовь къ этому человѣку все болѣе и болѣе превращается въ пре-

зрѣніе, а презрѣніе уступаетъ равнодушію. Ахъ, я остаюсь печальною и убитою на развалинахъ моего счастья, моихъ былыхъ надеждъ. И я знаю и понимаю одно только: я погибла бы въ семьѣ моего мужа, если бы вы не взяли меня великодушно подъ свою защиту.

ФРАНЧЕСКО.

Могъ ли я поступить иначе, когда я васъ люблю?

БІАНКА.

Не говорите такъ со мною, если вы не хотите, чтобы я раскаялась въ томъ, что вполнѣ довѣрилась другу... Простите мнѣ это дерзкое слово, я хотѣла сказать: довѣрилась государю Флоренціи.

ФРАНЧЕСКО

порывисто встаетъ, притворнымъ тономъ.

Государи, какъ духовники, обязаны выслушивать много тайныхъ жа-

лобъ и скрывать ихъ въ душѣ. Но я хотѣлъ бы быть не государемъ для васъ, а именно другомъ, какъ ни пугаетъ васъ это слово по отношенію ко мнѣ.

БІАНКА.

О, не гнѣвайтесь на меня. Не прибавляйте къ моимъ мученіямъ новое. Я связана и должна оставаться вѣрною женою, хотя мужъ мнѣ безсердечно измѣняетъ. Не покидайте меня въ гнѣвѣ.

ФРАНЧЕСКО

снова садится и беретъ ея руку.

Я не на васъ сержусь, Біанка, а на себя. Я осуждаю себя за то, что началъ вѣрить несбыточному счастью я думалъ, что вы понимаете мое чувство къ вамъ. Но это были обманчивыя мечты. Видите ли, въ моемъ положеніи властителя я могу ждать только одного—измѣны. Кому я могу довѣриться? Чего я могу ждать

отъ людей даже самыхъ близкихъ? Для меня только обманчивая лесть, лесть отъ всѣхъ: отъ мужчинъ и отъ женщинъ. А правда всегда печальна. Послѣдняя моя сладкая надежда— вызвать въ вашемъ сердцѣ сочувствіе, эта послѣдняя надежда гаснетъ, какъ и всѣ другія надежды. Вижу, что я могу довѣрять мечту своей любви только себѣ одному и она не встрѣтитъ отзыва въ вашей холодной душѣ, Біанка!

БІАНКА съ нѣжностью.

Я не безсердечна и не холодна. Сочувствіе вы всегда найдете во мнѣ. Но, государь, я не могу забыть своего долга...

ФРАНЧЕСКО.

О, если бы вы были свободны! Я вижу свое счастье. И мнѣ отказываютъ въ немъ навсегда, навсегда! Позвольте для меня еще одну надежду: брачный союзъ, который принесъ

вамъ столько горя, которому вы безплодно пожертвовали собою— этотъ союзъ можетъ быть разорванъ въ Римѣ. Можно принять мѣры, чтобы избавить васъ отъ вашихъ страданій и замѣнить ихъ новымъ счастьемъ!

БІАНКА.

Я уже погеряла надежду на вся кое счастье. Я должна страдать тайно и умереть Вотъ моя горькая судьба и я не могу... Ваша свѣтлость смотрите, кто-то подходитъ...

ФРАНЧЕСКО.

Не тревожьтесь: это Мондрагоне.

Мондрагоне входитъ и останавливается въ глубинѣ сцены. Герцогъ подходитъ къ нему

МОНДРАГОНЕ тихо.

Ваша свѣлостъ, сюда идетъ Бонавентури.

ФРАНЧЕСКО также.

А, проклятый негодяй! Что онъ, шпіонитъ, что ли, за своей женой...

*

(Возвращаясь къ Біанкѣ). Біанка, сюда идетъ вашъ мужъ. Я не хотѣлъ бы, чтобы онъ видѣлъ меня съ вами. Я ухожу. Прощайте. Я еще увижусь съ вами во время ужина, не правда ли?

(Поспѣшно уходитъ. Мондрагоне слѣдуетъ за нимъ).

СЦЕНА III.

Біанка надѣваетъ маску и остается на скамьѣ. Входитъ Бонавентури. Онъ осматривается и замѣтивъ Біанку, бросается къ ней.

БОНАВЕНТУРИ.

Кассандра! Ты уже здѣсь, а я искалъ тебя... (Біанка снимаетъ маску. Бонавентури на мгновеніе смущается и отступаетъ. Потомъ начинаетъ смѣяться). Хорошо я пошутилъ, а? Ха, ха, ха! (Біанка съ презрѣніемъ отворачивается отъ него). Что это, никакъ ты разсердилась на мою шутку? Не хочешь говорить со мною?

БІАНКА.

Что мнѣ говорить тебѣ? Что ты безсовѣстный и наглый человѣкъ?

Что, даже попавшись въ измѣнѣ, ты хочешь вывернуться ложью?

БОНАВЕНТУРИ.

Измѣна! Ложь! Какія громкія слова.

БІАНКА.

Да, измѣна и ложь! Ложь и измѣна! Вотъ ты весь въ этихъ двухъ словахъ. И это тотъ человѣкъ, которому я все принесла въ жертву! Ахъ, что за мука сознавать это!..

БОНАВЕНТУРИ.

Такую пѣсню я слышу безпрестанно и все это давно надоѣло мнѣ.

БІАНКА.

Да, тебѣ надоѣло все и прежде всего твоя жена. Вотъ, конечно, отъ этого ты и бѣгаешь на свиданія съ другими женщинами.

БОНАВЕНТУРИ.

Съ какими женщинами?

БІАНКА.

Съ какими? Почемъ я знаю — съ какими. Хоть бы съ такими, какъ эта развратница, за которую ты принялъ сейчасъ меня.

БОНАВЕНТУРИ.

Ты говоришь о Кассандрѣ Риччи?

БІАНКА.

Ну, да, я говорю о Кассандрѣ Риччи, извѣстной своимъ распутствомъ всей Флоренціи. Я говорю о ней. Ты добился, кажется, ея любви, какъ и многіе! Это было не трудно, не правда ли?

БОНАВЕНТУРИ.

Не знаю, потому что я не добивался. Но я слышалъ и знаю вотъ что: люди повыше меня очень добивались отъ нея любви и напрасно.

БІАНКА.

Кто же?

БОНАВЕНТУРИ.

Да хотя бы герцогъ. Я знаю также и то, что не всѣ отвѣчаютъ такою холодностью на предложенія Франческо.

БІАНКА.

Не всѣ?

БОНАВЕНТУРИ.

Да, не всѣ. Я могъ бы назвать нѣкоторыхъ дамъ знатнаго происхожденія: онѣ при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ оказываются не такъ горды, какъ развратная Кассандра.

БІАНКА.

У низкихъ людей всегда низкія подозрѣнія.

БОНАВЕНТУРИ.

Ага! я—низкій человѣкъ. Я думаю и поступаю низко. Хорошо. А со мною поступаютъ знатные и высокіе люди благородно? Для чего Франческо желаетъ меня удалить во Фран-

цію, ко двору Валуа, ко двору мрачной Медичи? Видите, я нуженъ тамъ въ качествѣ ловкаго и умнаго довѣреннаго лица герцога! Это пустой предлогъ. Почетной должностью и золотомъ нельзя вознаградить мужа за позоръ жены!

БІАНКА гордо.

Какъ ты смѣешь говорить мнѣ такъ подло и дерзко? Развѣ ты не знаешь, кто я и кто ты?

БОНАВЕНТУРИ.

Слишкомъ хорошо знаю. Ты каждый день повторяешь мнѣ о своемъ патриціанскомъ происхожденіи и о моемъ плебейскомъ. Я выучилъ это наизусть. Но, чортъ меня побери, если я буду слушать теперь эту надоѣвшую мнѣ пѣсню. Ну, да, я—плебей. Ну, да, ты—патриціанка, дочь знатнаго Капелло. Но тѣмъ хуже для твоего знатнаго отца, что онъ имѣетъ такую дочь, которая бросается

такъ же легко и скоро въ объятія плебея, какъ и въ объятія герцога!

БІАНКА рыдая.

О, какъ ты гнусенъ, какъ ты подлъ какъ я презираю тебя! Ты еще ниже и грязнѣе, чѣмъ я думала...

БОНАВЕНТУРИ.

Замолчи! Такихъ словъ не перенесетъ ни одинъ мужъ отъ своей жены! Или ты хочешь привести меня въ бѣшенство и попробовать вотъ этого, проклятая! (Хватается за рукоятку кинжала). Не потому ли ты стала такъ дерзка и надменна, что герцогъ благосклоненъ къ тебѣ? О, не слишкомъ-то разсчитывай на благосклонность Медичи. Онъ хочетъ сдѣлать тебя своей любовницей. Нѣтъ, не хочетъ только, а ужъ покорилъ твое пустое сердце,—ты отдалась ему! И ты послѣ этого такъ смѣешь говорить со мною, твоимъ мужемъ, твоимъ господиномъ?

БІАНКА сдерживая слезы, гордо.

Я никогда не прощу тебѣ того, что ты сказалъ. Слышишь: никогда! Если ты считаешь меня виновною, то я навѣки отказываюсь отъ тебя. Ты ошибся въ моемъ сердцѣ, ты запятналъ мою любовь и хочешь запятнать мое имя? Съ этихъ поръ я не хочу тебя знать, не хочу думать, что я когда-то любила тебя. Я покидаю тебя. Я—не жена тебѣ больше.

Быстро уходитъ.

БОНАВЕНТУРИ.

Чортъ побери, я вспылилъ и, кажется, обошелся черезчуръ жестоко съ нею. Если бы она не была вѣрна, — она бы не ревновала меня... Впрочемъ, кто знаетъ... (Входитъ Мондрагоне). А, Мондрагоне, это вы? Здравствуйте.

СЦЕНА IV.

МОНДРАГОНЕ.

Здравствуйте, Бонавентури. Сейчасъ я встрѣтилъ синьору Біанку. Она прошла, даже не замѣтивъ меня, и плакала. Вѣрно, маленькая супружеская ссора, а?

БОНАВЕНТУРИ.

Ахъ, Мондрагоне, вы всегда относились ко мнѣ хорошо, вы покровительствовали мнѣ у герцога и я считаю васъ своимъ добрымъ другомъ...

МОНДРАГОНЕ.

Вы не ошибаетесь, Бонавентури.

БОНАВЕНТУРИ.

Такъ вотъ, я буду съ вами откровененъ. Я сейчасъ дѣйствительно поссорился съ Біанкой, и довольно-таки крѣпко.

*

МОНДРАГОНЕ *смѣясь.*

О причинѣ ссоры я не спрашиваю. Конечно, ревность синьоры Біанки? За красавцемъ Бонавентури бѣгаютъ всѣ наши дамы, а онъ не теряетъ даромъ времени. Вѣрно, васъ застала здѣсь съ кѣмъ-нибудь синьора Біанка?

БОНАВЕНТУРИ.

Вы почти угадали. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ. Въ качествѣ добраго пріятеля, окажите мнѣ маленькую услугу.

МОНДРАГОНЕ.

Десять, если вамъ угодно.

БОНАВЕНТУРИ.

Я прошу только объ одной. Вы видѣли на праздникѣ Роберто Риччи?

МОНДРАГОНЕ.

Да. И прекрасную Кассандру тоже.

БОНАВЕНТУРИ.

Я боюсь, что Риччи слѣдитъ за своей женой. А такъ какъ, — признаюсь вамъ въ этомъ, — Кассандра сейчасъ должна прійти сюда, то... не постараетесь ли вы для меня отвлечь мужа и задержать его тамъ, во дворцѣ?

МОНДРАГОНЕ.

Я охотно сдѣлаю это. Можете положиться на меня.

БОНАВЕНТУРИ.

Вы истинный другъ (пожимаетъ ему руку). Я не забуду услуги и, съ своей стороны, постараюсь для васъ. Вы знаете: мое вліяніе у герцога...

МОНДРАГОНЕ.

Ну, что за счеты, между друзьями, помилуйте. (Про себя). Да, ты не забудешь моей услуги... герцогу.

БОНАВЕНТУРИ.

Если бы вы знали, Мондрагоне... А, простите, я долженъ прервать

нашъ разговоръ: видите тамъ, около цвѣтника, маска? Это она...

МОНДРАГОНЕ.

Прекрасная Кассандра? Счастливчикъ вы, Бонавентури, право!.. Ну, я изчезаю, изчезаю: иду усыплять для васъ Аргуса. Будьте спокойны: ревнивому Риччи не удастся помѣшать вамъ.

Постепенно уходитъ, направо въ дверь павильона. Кассандра входитъ изъ сада.

СЦЕНА V.

КАССАНДРА обнимаетъ и цѣлуетъ Пьетро.

Пьетро!.. Милый! Наконецъ я нашла минутку повидаться... Кто это былъ тутъ сейчасъ съ тобой?

БОНАВЕНТУРИ.

Мондрагоне.

КАССАНДРА.

Мондрагоне? Эта хитрая испанская лиса?

БОНАВЕНТУРИ.

Не бойся: онъ мой лучшій другъ.

КАССАНДРА.

О, берегись его. Онъ злой, я знаю.. Берегись его, Пьетро... Да, что я тебѣ хотѣла сказать?.. Ахъ, вотъ что: какъ я рада, что я съ тобой, какъ я рада... (Цѣлуетъ его страстно). Постой, нѣтъ не то, а вотъ что: неужели правда, что ты долженъ уѣхать во Францію? Неужели ты бросишь меня, Пьетро?

БОНАВЕНТУРИ.

Нѣтъ, нѣтъ, успокойся. Герцогъ желаетъ этого. Но я останусь во Флоренціи. Я не могу разстаться съ тобой.

КАССАНДРА.

О, милый, милый... Ты останешься. Какое счастье! Ты знаешь, какъ я люблю тебя: я не могу безъ тебя жить. Ты останешься. Ну, значитъ,

теперь все будетъ хорошо. Я изнывала отъ страха, я хотѣла узнать отъ тебя объ этомъ. Ты не можешь меня бросить, Пьетро. Я умру въ разлукѣ съ тобою. Во всемъ свѣтѣ я люблю только тебя одного, только одного тебя.

Садятся на мраморную скамью.

БОНАВЕНТУРИ.

Какъ могла ты подумать, что я брошу тебя, уѣду изъ Флоренціи?

КАССАНДРА.

Но, если герцогъ прикажетъ тебѣ?

БОНАВЕНТУРИ злобно смѣется.

Тогда я отвѣчу ему, что не могу ѣхать во Францію иначе, какъ вмѣстѣ съ моей женой. Ха, ха, ха... Нѣтъ, я не намѣренъ плясать подъ дудку Франческо. Если ему хорошо во Флоренціи, гдѣ живетъ Біанка, такъ мнѣ тоже хорошо здѣсь, гдѣ живетъ Кассандра.

КАССАНДРА.

Но вѣдь онъ можетъ изгнать тебя, бросить въ тюрьму?..

БОНАВЕНТУРИ.

Посмотримъ. Онъ не рѣшится на такія крутыя мѣры для того, чтобы избавиться отъ мужа Біанки. Народъ и теперь уже поговариваетъ, что Біанка колдунья, что она приворожила Франческо дьявольскимъ зельемъ. А тогда народъ заговоритъ еще не такъ, ты увидишь. Свобода не совсѣмъ еще умерла во Флоренціи и у меня есть друзья среди флорентинскихъ гражданъ...

КАССАНДРА.

Ахъ, Пьетро, Пьетро, ты смѣлъ, я знаю. Но я боюсь, ахъ, какъ я боюсь за тебя...

БОНАВЕНТУРИ.

Будь спокойна, Кассандра. Только люби меня—и все пойдетъ хорошо.

Въ глубинѣ сцены показываются Мондрагоне и Роберто Риччи. Оба прячутся за колонною.

КАССАНДРА.

Да вѣдь я и могу одно: только любить тебя. Только любить тебя, мой милый, мой дорогой Пьетро!

БОНАВЕНТУРИ.

Ну, простимся, покуда. Надо разстаться. Сюда могутъ прійти и увидѣть насъ. Прощай!

КАССАНДРА.

Дай мнѣ поцѣловать тебя на прощанье долго, долго...

Страстно цѣлуетъ его.

БОНАВЕНТУРИ встаетъ.

Прощай! Я иду...

РИЧЧИ

бросается къ нему и наноситъ ему сзади ударъ стилетомъ.

Въ адъ, прямо къ дьяволу, мерзавецъ!

Бонавентури съ крикомъ падаетъ. Риччи хватаетъ обезумѣвшую отъ ужаса Кассандру за руку.

А ты, голубушка, сейчасъ туда же отправишься, чтобы вамъ было ве-

селѣе вдвоемъ! Но только сначала я съ тобой немножко потолкую...

КАССАНДРА

вырывается, бѣжитъ въ садъ и отчаянно кричитъ.

Убійство! Помогите! Убійство!

Риччи бросается за ней. Мондрагоне удерживаетъ его.

МОНДРАГОНЕ.

Синьоръ Риччи! Постойте, синьоръ Риччи!

РИЧЧИ.

Прочь! Я долженъ убить ее! Проклятье! Она не уйдетъ отъ меня. Пусти меня, Мондрагоне! Пусти!

На крикъ Кассандры изъ сада входитъ толпа дамъ и мужчинъ въ разныхъ костюмахъ; иные въ маскахъ. Они окружаютъ Риччи и Мондрагоне.

ГОЛОСА.

Что такое? — О чемъ кричитъ женщина? — Убійство. — Бонавентури убитъ.—Мужъ Біанки.—Боже мой!— Какой ужасъ.—Кто убилъ? Мондра-

гоне?—Нѣтъ, Риччи.—Позвать стражу. — Тише! Герцогъ! Герцогъ! — Отойдите.—Дайте пройти герцогу.

Толпа разступается. Входитъ Франческо.

СЦЕНА VI.

ФРАНЧЕСКО.

Что здѣсь случилось? (Увидавъ трупъ Бонавентури). Убитъ? Бонавентури
Кто это сдѣлалъ?

РИЧЧИ, выступая впередъ.

Я, государь.

Движеніе въ толпѣ окружающихъ.

ФРАНЧЕСКО.

Вы, Риччи?

РИЧЧИ.

Я. За соблазнъ моей жены.

ФРАНЧЕСКО.

О, какое ужасное дѣло, Роберто.

Развѣ Бонавентури... Боже мой, Біанка?!

Вбѣгаетъ Біанка. Всѣ отступаютъ передъ нею. Она видитъ трупъ Бонавентури. На мгновеніе замираетъ въ ужасѣ. Потомъ бросается къ трупу.

БІАНКА.

Пьетро! Пьетро! Пьетро!

Припадаетъ къ трупу съ истерическимъ даніемъ. Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА I.

Берегъ Арно. Въ глубинѣ сцены балюстрада набережной; за нею видна рѣка и часть города въ лунномъ освѣщеніи. Налѣво на первомъ планѣ каменная ниша съ статуей Мадонны. Передъ статуей горящая лампадка. Направо мраморная скамья.

СЦЕНА I.

Біанка, въ черномъ платьѣ, вся окутана чернымъ длиннымъ вуалемъ на колѣняхъ передъ Мадонной.

Робкія жалобы моего сердца
О моемъ погибшемъ навѣки счастіи,
Горькое раскаянье за мой тяжкій
грѣхъ
Тебѣ приношу я, Матерь Божія!

Простишь-ли, простишь-ли ты мнѣ
За измѣну святыни той любви
Для которой я презрѣла проклятія
моего отца,
Скорбь моей бѣдной матери,
Покинула семью и родину,—
Простишь-ли, простишь-ли ты мнѣ?

Съ тихимъ рыданіемъ припадаетъ головой къ подножію Мадонны: потомъ встаетъ.

Не знаю почему, я не могу молиться. Сколько разъ въ горѣ и несчастіи я приходила сюда. Передъ ликомъ Пресвятой Дѣвы я выплакивала свою душу и уходила утѣшенной и примиренной и съ жизнью и съ собою. Но сегодня я не могу, я не могу... Меня смущаютъ воспоминанія прошлаго и думы о будущемъ. Передо мною встаетъ призракъ убитаго мужа. Пьетро, Пьетро! Вѣчная ночь смерти скрыла тебя. Теперь ты во власти той мрачной силы, что тяготѣетъ надъ нашею жизнью. Я узнала ее, эту мрачную силу: она

зовется страданіемъ, она царитъ надъ
всѣмъ и прежде всего надъ счастьемъ
любви.
Высоко уносили меня нѣкогда мои
мечты,
Я горячо бралась за все, что любила;
Съ восторгомъ порывалась я въ даль,
Мнѣ хотѣлось унестись къ звѣздамъ
неба!
Я любила только то, что благородно,
Я того же искала и просила у дру-
гихъ;
Но какъ не былъ силенъ полетъ
моей души
Жестокая судьба разрушила мои на-
дежды,
Мою вѣру въ чистую и свѣтлую лю-
бовь:
Любовь моя стала преступленіемъ
И я наказана, я наказана стра-
даньемъ!

Задумчиво садится на скамью.

Затихли похоронныя гимны...
Но еще лежитъ роковое проклятье

На моемъ блѣдномъ челѣ...
Я изгнана изъ моей родины...
Меня бы презирали, преслѣдовали
Я бы погибла здѣсь на чужбинѣ,
Но любовь властелина Флоренціи
Охраняетъ и защищаетъ меня...
О если бы я могда примириться
Съ моимъ отцомъ, съ моей матерью,
О если бы я могла вернуться на родину!
Венеція, милая Венеція!
Ты встаешь передо мною изъ синихъ волнъ
Въ чудномъ обаяніи твоей красоты!
Увижу-ли тебя вновь дворецъ Дожей!
Увижу ли тебя вновь Riva de Sciavoni?
Увижу ли васъ колонны Пьяцетты
И тебя бронзовый левъ св. Марка,
Уносящійся въ голубую высь небесъ?
Увижу ли я вновь золототканныя знамена,

Развивающіяся съ высокихъ—высокихъ мачтъ
И на нихъ три герба трехъ королевствъ;
Гербы Кипра, Мореи и Кандіи?
Услышу-ли я въ тишинѣ лунной ночи
Плескъ весла, говоръ серебрянныхъ водъ
Разрѣзанныхъ плавною гондолою,
Несущейся точно черногрудый лебедь
Подъ сладкій напѣвъ сладкой пѣсни
Моей Венеціи, моей милой родины!

За сценой шумный говоръ. Біанка встаетъ со скамьи и скрывается около ниши. Входитъ толпа гражданъ.

СЦЕНА II.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Это проклятіе Біанки просто обошло нашего Франческо. Съ тѣхъ поръ какъ она завладѣла герцогомъ при дворѣ пошло въ ходъ все ве-

неціанское: венеціанскіе праздники, нравы, парады и...

ВТОРОЙ.

И пуще всего венеціанскіе мерзавцы и венеціанская подлость.

ТРЕТІЙ.

Бѣглая куртизанка, убійца управляетъ герцогомъ и Флоренціей!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ты говоришь убійца? Почему же, однако, Біанка убійца?

ТРЕТІЙ.

Да какъ же: вѣдь она убила своего мужа, добраго Бонавентури.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ну, совсѣмъ не она: его зарѣзалъ Робертъ Риччи.

ТРЕТІЙ.

Такъ-то такъ. Да за что зарѣзалъ-то?

*

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Извѣстно за что. У Риччи лобъ началъ почесываться, какъ у молодого теленка, когда пробиваются рога. Бонавентури, видишь — ты, хозяйничалъ черезъ-чуръ у жены Роберто.

ТРЕТІЙ.

Это я знаю все, эту исторію. Да въ томъ-то штука, что въ этомъ дѣлѣ есть другая подкладка.

ЧЕТВЕРТЫЙ И ДРУГІЕ ГРАЖДАНЕ.

Какая-же другая подкладка? — Какая подкладка?

ТРЕТІЙ.

А вотъ какая: Біанка столкнулась съ Риччи, Біанка натравила ревнивца на Бонавентури. Ей хотѣлось поскорѣе сдѣлаться вдовой: смекнули?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Возможное, возможное дѣло.

ДРУГІЕ.

Эти хитрыя венеціанки способны на все.—Имъ не почемъ убійство.— Къ тому-же Біанка еще и колдунья: говорятъ она по ночамъ колдуетъ въ башнѣ дворца и туда къ ней слетаетъ нечистая сила.

ПЕРВЫЙ.

Что мудренаго: у ней такіе глаза, что могутъ прельстить самого діавола. И всегда одѣта въ черное. Точно ночь.

ВТОРОЙ.

А ты развѣ видалъ ее?

ПЕРВЫЙ.

Да, мнѣ привелось ее видѣть въ дворцовомъ саду, въ тотъ самый праздничный вечеръ, когда Риччи убилъ ея мужа: не забуду я этого блѣднаго лица съ горящимъ взглядомъ.

ВТОРОЙ.

Вотъ глазами-то она поди чай и обморочила герцога. Хотя надо ска-

зать правду: нашъ Франческо на счетъ женскаго пола всегда былъ того... слабоватъ. Говорятъ еще будучи принцемъ, въ Испаніи онъ...

ПЕРВЫЙ

замѣтивъ Біанку и указавъ прочимъ на нее.

Тсс! Тише!.. Смотрите: кто это тамъ прячется? Можетъ быть шпіонъ? Подслушиваетъ...

ГОЛОСА.

Кто подслушиваетъ?—Какой шпіонъ?—Гдѣ?—Тамъ?—Да это, кажется, женщина?—Посмотримъ кто такая?

Толпа приближается къ Біанкѣ. Она выходитъ въ полосу луннаго свѣта.

СЦЕНА III.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ,

вглядываясь въ Біанку

Пресвятая Мадонна! Да это она самая и есть!

Голоса.

Кто?—Кто?

ПЕРВЫЙ.

Біанка!

Толпа въ страхѣ отступаетъ.

ГОЛОСА тихо.

Біанка!—Да, да, Біанка.— Та самая? — Само собой, та, герцогская венеціанка? — Ну да, вдова убитаго Бонавентури...

Толпа снова приближается къ Біанкѣ.

БІАНКА.

Да, добрые люди, я Біанка Бонавентури.

ПЕРВЫЙ.

Я же вамъ вѣрно говорю, что это она: я сейчасъ узналъ ее.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Ты Біанка?—Вдова убитаго Бонавентури? — Такъ это ты подучила Риччи убить своего мужа, а? Ты колдуешь во дворцѣ и сносишься съ дьяволомъ?

БІАНКА.

Я не понимаю, добрые люди, что это вы такое говорите, я не знаю...

ГОЛОСА.

Ты не понимаешь? Да мы то понимаемъ и знаемъ.—Мы то знаемъ, что ты убійца.—Ты околдовала нашего герцога.—Да, ты колдунья и убійца вмѣстѣ! — А можетъ еще и шпіонка при этомъ: что ты дѣлала тутъ? Ты подслушивала наши разговоры?

Наступаютъ на нее.

БІАНКА въ испугѣ дрожа.

Я молилась Мадоннѣ... я молилась Мадоннѣ...

ГОЛОСА.

Молилась! ха, ха, ха!—Слушайте-ка, она молилась!—Развѣ вѣдьмы и убійцы могутъ молиться? — Прежде чѣмъ молиться, такихъ вѣдьмъ какъ ты крестить надо: вотъ мы и окрестимъ тебя, голубушка, въ Арно!—

Не такъ ли, граждане. Да, да, въ Арно ее! Въ Арно! Смерть венеціанской колдуньѣ!—Смерть вѣдьмѣ! Въ Арно!—Берите ее!

При послѣднихъ возгласахъ толпа бросается къ Біанкѣ и схватываетъ ее. Въ это время показывается Франческо въ сопровожденіи свиты, стражи и пажей съ факелами.

СЦЕНА IV.

ФРАНЧЕСКО

громкимъ голосомъ.

Остановитесь!

Толпа отступаетъ и покидаетъ Біанку; она бросается къ герцогу.

БІАНКА задыхаясь.

Франческо! Они хотятъ убить меня... Они хотѣли убить!..

ГЕРЦОГЪ.

Біанка!.. Успокойтесь, успокойтесь, ради неба... (къ толпѣ). Какъ вы смѣли? Проклятіе! Какъ вы смѣли? Что

значитъ это насиліе надъ женщиной? Отвѣчайте мнѣ, что это значитъ?

Въ толпѣ ропотъ, сначала тихій, потомъ усиливающійся.

ГОЛОСА.

Эта женщина заслужила смерть. Она колдунья. Отъ нея погибъ ея мужъ, добрый флорентинецъ. Да, да, честный Бонавентури! — Мы не потерпимъ, чтобы честныхъ гражданъ Флоренціи губили бѣглыя венеціанскія вѣдьмы.

ФРАНЧЕСКО.

Молчать, глупцы! Опять бунтъ! Опять духъ раздора! Опять преступленіе! И вы считаете себя честными гражданами Флоренціи! Вы, что бросаетесь на людей ночью, какъ собаки, хотите убивать какъ разбойники! Нѣтъ, вы не честные граждане, вы негодяи! Вы... (глухой, смутный ропотъ въ толпѣ). Да, я вашъ герцогъ говорю съ вами такъ, потому что вы

заслужили такое обращенiе! Я держу герцогскiй скипетръ для того, чтобы охранять права гражданъ, я хорошо знаю свой долгъ и я исполняю его! Не подоспѣй я сюда случайно — вы посягнули бы на самое подлое и жестокое преступленiе — на убiйство невинной женщины! Кто васъ поставилъ судьями надъ нею! Она подъ моей герцогской защитой. Я ея покровитель и Бiанка Капелло больше не изгнанница: скоро Венецiя приметъ ее какъ королевскую дочь... Я охранилъ ее отъ несправедливости, которую ей оказала ея родня. А вы съ вашимъ подлымъ насилiемъ бросаетесь между мною и той, кого я призналъ достойнѣйшей изъ женщинъ. О, я не потерплю этого. Клянусь, никто не пострадаетъ отъ произвола и насилiя во Флоренцiи, пока царствуетъ родъ Козимо! Къ добрымъ гражданамъ я всегда былъ добръ. Но для бунтов-

*

шиковъ и разбойниковъ я сумѣю укротить и наказать. (Обращаясь къ Біанкѣ). Біанка вашу руку. (Стражѣ указавъ на толпу). Арестовать бунтовщиковъ!

(Уходитъ въ сопровожденіи свиты. Стража окружаетъ гражданъ. Занавѣсъ).

КАРТИНА II.

Залъ въ палаццо Питти. — Направо широкая арка, закрытая парчевой драпировкой, налѣво, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, подъ роскошнымъ балдахиномъ два тронныя кресла. Біанка и Франческо сидятъ на креслахъ. Біанка въ темнозеленомъ бархатномъ платьѣ, вышитомъ золотомъ и богато украшенномъ жемчугомъ, изумрудами и рубинами. Золотая мантія ниспадаетъ съ плечъ. На головѣ шапочка дожа (corno ducole), усыпанная драгоцѣнными каменьями. Франческо въ герцогской мантіи и зубчатой коронѣ Медичисовъ. По обѣимъ сторонамъ кавалеры и дамы въ роскошныхъ праздничныхъ нарядахъ: венеціанкіе сенаторы въ красныхъ шелковыхъ толарахъ съ широкими рукавами и широкой золотой столой, наброшенной на правое плечо; тѣлохранители съ

стальными алебардами; рыцарь въ стальной кольчугѣ, но безъ шлема, держащій знамя св. Марка съ изображеніемъ крылатаго льва, голова котораго окружена нимбомъ.

При поднятіи занавѣса трубы.

ФРАНЧЕСКО.

Сегодня, дорогая Біанка,
Свѣтлѣйшая венеціанская республика
Признала тебя снова своей дочерью!
Ты можешь теперь гордо поднять голову:
Надъ тобою развѣвается, охраняя тебя,
Священное и славное знамя св. Марка!

БІАНКА.

Венеція! моя милая родина,
О, моя первая святая любовь!
Ты приняла меня снова на свое лоно!
Ты возвратила мнѣ свою милость,
Ты благосклонно склоняешь свои взоры

Къ твоей дочери, такъ долго, такъ долго,
Тосковавшей по тебѣ вдали отъ тебя!

Встаетъ съ трона.

Я плачу... свѣтлыя слезы радости
Не даютъ мнѣ высказать мои чувства:
Моему счастію нѣтъ предѣла...

ФРАНЧЕСКО.

также встаетъ и беретъ ее за руку.

Тебѣ выпали на долю почести,
Достойныя твоего прекраснаго сердца,
Моя дорогая, моя прекрасная супруга:
Я съ радостію подношу тебѣ тосканскую корону!
И, какъ теперь я преклоняюсь передъ тобой,
Такъ должны преклоняться всѣ,
Передъ властительницей моей души!
По обычаю старины откройте двери:
Пусть Флоренція, торжествуя этотъ день,
Привѣтствуетъ радостно свою государыню!

БІАНКА *тихо.*

Франческо, что ты дѣлаешь? Вспомни, еще недавно народъ хотѣлъ убить меня...

ФРАНЧЕСКО.

Не тревожься. Теперь ты его властительница!

Пажи открываютъ портьеру арки. Входитъ толпа мужчинъ и женщинъ; они останавливаются въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ трона.

ФРАНЧЕСКО *къ народу.*

По волѣ Бога и по его велѣнію
Мы возложили сегодня тосканскую
корону
На нашу возлюбленную супругу.
Да сохранитъ она этотъ священный
даръ
Съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ
мы ей вручили его
Для нашего счастія и счастія нашего
народа!

БІАНКА *выступаетъ впередъ, къ народу.*

Когда на мою голову
Была возложена корона Тосканы,

Когда я поняла съ трепетомъ и умиленіемъ
Святое значеніе этой минуты,—
Моя душа исполнилась небеснымъ порывомъ!
По истинѣ чудесна моя участь
И Господня рука привела меня сюда!
На этомъ славнюмъ тронѣ,
Окруженная величіемъ и пышностью,
Я даю клятву быть смиренной рабой
Спасителя, страдавшаго за людей,
И слѣдовать его кроткимъ завѣтамъ!
Не шумныя торжества и праздники
Ни счастіе любви, ни сознаніе власти,
Ничто, ничто, увлекающее суетою
Слабое сердце женщины,
Не отвлечетъ меня отъ высшей цѣли:
Неусыпно творить дѣла милосердія,
Жить для блага и счастія моего властитителя

И народа, который врученъ ему Бо-
гомъ!
Я искуплю всѣ заблужденія
Моей молодой жизни, отдавши свою
душу
На служеніе моему долгу,
Я хочу быть достойной дочерью
Моей родины, моей дорогой Венеціи,
Я хочу быть достойной вѣнца ме-
дичисовъ!

ПРИДВОРНЫЕ И НАРОДЪ.

Да здравствуетъ Біанка, дочь св. Марка! Да здравствуетъ наша государыня!

Возгласы сливаются съ звуками торжественной музыки. Молодые женщины подходятъ къ трону, преклоняютъ колѣна передъ Біанкой и разсыпаютъ цвѣты. Занавѣсъ медленно опускается.

МАРКИЗА ЗАБЕТЪ.

Изъ Виктора Гюго *.

* Переводчикъ позволилъ себѣ нѣкоторыя измѣненія и сокращенія подлинника.

*

ЛИЦА:

Герцогъ Галлюсъ.

Баронъ Гюнихъ.

Забетъ.

Мѣсто дѣйствія—Парижъ; время—прошлое сто-
лѣтіе.

СЦЕНА I.

Будуаръ, убранный съ утонченной роскошью.
Галлюсъ и Гюнихъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Такъ ты увѣряешь, что Забетъ не вѣрна? Однако, видишь, я ее не бросаю...

ГЮНИХЪ, про себя.

Вотъ это-то и досадно мнѣ.

ГАЛЛЮСЪ.

Я не могу знать всего, что знаешь ты, мой умный баронъ. Такв сколько же у ней любовниковъ, а?

ГЮНИХЪ.

Не считая васъ, я видѣлъ семерыхъ или около того. Это настоящая перемѣна декорацій.

ГАЛЛЮСЪ.

А сколько у нея долговъ?

ГЮНИХЪ.

Кажется, она уже доканчиваетъ второй милліонъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Она хорошая моя ученица.

ГЮНИХЪ.

И вы оставите у себя эту женщину?

ГАЛЛЮСЪ.

Чортъ возьми! Но вѣдь это мой шедевръ.

ГЮНИХЪ.

Однако...

ГАЛЛЮСЪ.

Когда мнѣ везетъ въ игрѣ, ты совѣтуешь мнѣ: бросьте карты. Я, какъ творецъ, созерцаю свое созданіе и воздвигаю этотъ храмъ семи смертныхъ грѣховъ—Забетъ. Милліонъ или два, право, немного для такого храма, посвященнаго такимъ богамъ. Забетъ во всемъ удовлетворяетъ моимъ вкусамъ. Я бы хотѣлъ, чтобы она была фальшива.

ГЮНИХЪ.

Она плутуетъ въ игрѣ.

ГАЛЛЮСЪ.

Чтобы она была лакомка.

ГЮНИХЪ.

Она просто обжора.

ГАЛЛЮСЪ.

Чтобъ она была тщеславна.

ГЮНИХЪ.

Она безумна въ тщеславіи.

ГАЛЛЮСЪ.

Чтобы она увлекалась любовными похожденіями.

ГЮНИХЪ.

Она—Мессалина.

ГАЛЛЮСЪ.

Чтобы она была расточительна.

ГЮНИХЪ.

Она скупа и копитъ золото... которое беретъ у васъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Ты клевещешь на нее. Она лучше тебя.

ГЮНИХЪ.

Для васъ, величайшій изъ насмѣшниковъ, зло есть добро и что хуже, то лучше. Однако, я, какъ слуга, вижу душу своего господина. Вы— не дурной человѣкъ, но вы хотите казаться дурнымъ. Это опасная иг-

ра. Вы рано или поздно обожжетесь этимъ огнемъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Я, мой педантъ, тѣшусь по своему.

Напѣваетъ.

Женщина, что ты такое:
Маска, видѣнье ночное,
Въ рай отворенная дверь.
Фарсъ, полный всяческимъ вздоромъ,
Дьявола фарсъ, надъ которымъ
Трудятся люди теперь.

Я тружусь надъ Забетъ. Мое орудіе—развратъ. Я формирую чудовище по рисунку сатаны. Я съ восторгомъ вижу, какъ изъ жемчужины выходитъ демонъ.

ГЮНИХЪ.

На мой взглядъ, вы похожи на влюбленнаго.

ГАЛЛЮСЪ.

Вотъ какъ!

ГЮНИХЪ.

Да. Вы создаете себѣ идола.

ГАЛЛЮСЪ.

Чтобы не вѣрить въ него.

ГЮНИХЪ.

Вы только хвалитесь, а на самомъ дѣлѣ влюблены.

ГАЛЛЮСЪ.

Какой вздоръ! Я буду въ отчаяніи, если влюблюсь.

ГЮНИХЪ.

Нѣтъ, вы только насмѣшите другихъ, ваше высочество. Вы маскируете ваше сердце, чувствуя, что оно въ опасности. Какое будетъ паденіе для васъ, когда окажется, что вы еще молоды. Чортъ возьми! Вы, волкъ, превратились въ пастушка.

ГАЛЛЮСЪ.

Дожидайся этого превращенія!

ГЮНИХЪ.

Да вы ужъ и теперь — образецъ нѣжнаго любовника. Вы не можете

обойтись минуты безъ вашей Забетъ, вы всюду таскаете за собой эту барыню. Эта Лиза, эта крестьянка, превратившаяся въ маркизу, блещетъ рядомъ съ вами, какъ звѣзда около солнца. Прекрасная звѣзда. А вы, ваше высочество, дѣлая видъ, что будто мало заботитесь о ней, гордитесь этой звѣздой. Она нужна для васъ всегда, вездѣ. Она даже отодвинула меня отъ васъ—да, да, ваше высочество.

ГАЛЛЮСЪ.

Тебя создалъ чортъ, соединивъ въ тебѣ безобразіе мужчины и ревность женщины.

ГЮНИХЪ.

Однако признайтесь мнѣ, повѣренному вашихъ тайнъ, что Забетъ немножко оцарапала вашу душу. (Про себя, смѣясь). Очень ужъ зрѣлую душу.

*

ГАЛЛЮСЪ.

Глупецъ, какъ же можно оцарапать душу, когда у меня ея нѣтъ? Ты говоришь смѣшныя вещи.

ГЮНИХЪ.

Вы смѣетесь только на показъ. Вы богомолъ, стыдящійся своего храма. Вы скрытны.

ГАЛЛЮСЪ.

Слушай. Я взялъ Лизу, когда отъ меня ускользнула Недда. Я охотился, я искалъ снисходительную красавицу, искалъ любовницу, сострадательную къ бѣднымъ, немного вѣтреную, но съ добрымъ сердцемъ. Случай подтолкнулъ меня на неприступную добродѣтель. Я разбилъ себѣ носъ, когда пошелъ на приступъ дѣвственницы, созданной изъ стали и алмаза. Я мечталъ о холмѣ, въ родѣ Монмартра и, вдругъ увидѣлъ передъ собою окутанную въ снѣгъ

юнгфрау. Вынувъ въ лотереѣ плохой нумеръ, я сказалъ себѣ: ты воображалъ себя, Галлюсъ, орломъ и львомъ, между тѣмъ ты только оселъ. Съ досады я бросился на какую-то хорошенькую крестьянку, ей-ей, неглупую, и сдѣлалъ ее королевой, самъ отказавшись отъ власти Видишь, какъ проста первая глава моего романа. Теперь я начинаю вторую.

ГЮНИХЪ.

Да, вы начинаете вторую главу. И такъ какъ я вашъ государственный совѣтникъ, то я хочу васъ предостеречь. Вы летите, какъ мотылекъ на огонь. Что-то происходитъ въ глубинѣ вашего сердца. Вы плѣнникъ, драпирующійся въ тогу побѣдителя. Такая странная болѣзнь свойственна испорченнымъ и пресыщеннымъ людямъ въ родѣ насъ съ вами. Мы поклоняемся идоламъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, мы глубоко влюб-

лены, въ то же время увѣряемъ себя, что мы только смѣемся. Не ревнуемъ ли мы? О, нѣтъ, какой вздоръ! Не начинаемъ ли нѣжничать? Что за глупость! Если кто нибудь насъ пойметъ и вздумаетъ читать въ нашей душѣ—мы сердимся. Сердимся потому, что чувствуемъ себя пойманными на мѣстѣ преступленія. Въ особенности не должна ничего подозрѣвать сама наша красавица. Что намъ въ ней нравится? Ничего и все. Если она глупа — мы ее слушаемъ. Если жирна—ахъ, это во вкусѣ Рубенса. Если она сухопара—ахъ, это во вкусѣ Ватто. Мы смотримъ Донъ-Жуаномъ, а втайнѣ вздыхаемъ платонически. Мы думаемъ, что мы только навеселѣ, а на самомъ дѣлѣ мы совсѣмъ пьяны. Подъ холодной внѣшностью скрывается горячее сердце.

ГАЛЛЮСЪ.

Ну, ты просто бредишь какъ метафизикъ. Кромѣ хорошей кухни и хо-

рошей музыки—что въ сущности одно и то же—я не люблю ничего и никого.

ГЮНИХЪ.

Гм... Иногда въ клѣтку льва пускаютъ собаку. Онъ сначала думаетъ, что ее съѣстъ; но, смотришь, онъ ее полюбитъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Мнѣ все надоѣло. Мое сердце спитъ.

ГЮНИХЪ.

Любовь — опіумъ. Простите мнѣ: сердце принца—это золотая книга, читать которую—дерзость. Однако позвольте мнѣ...

ГАЛЛЮСЪ.

Позволяю, мой философъ, позволяю...

ГЮНИХЪ.

Вы скрываете, что происходитъ въ вашемъ сердцѣ. Но я угадываю. Вы

мечтаете о Забетъ, какъ о созданіи чорта, и находите ее божественной.

ГАЛЛЮСЪ.

Во-первыхъ, будь почтительнѣй: называй ее маркизой. Она принадлежитъ принцу, мнѣ, твоему господину. А во-вторыхъ, какъ ты ни ограниченъ, пойми, что нельзя любить не унижаясь. Вотъ почему я не терплю женской власти. Роль нелѣпаго пастушка мнѣ не къ лицу. Когда я люблю, я остаюсь самимъ собою. Чтобы я, смѣющійся надъ всѣмъ, влюбился! Ты думаешь, что я возьму на себя такую унизительную роль?

ГЮНИХЪ.

Роль васъ беретъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Нѣтъ, ужъ если тебѣ угодно, влюбляйся ты, старый глупецъ. Перейди на сторону женшинъ, измѣни мнѣ. Я не буду перебѣжчикомъ. Я могъ, когда

мнѣ все надоѣло, отказаться отъ королевскаго сана; но быть умнымъ человѣкомъ — отъ этого я никогда не откажусь. Мнѣ притворяться влюбленнымъ! Я вижу свои морщины. Неужели ты считаешь меня настолько глупымъ, что я буду воображать: ахъ, всѣ женщины заглядываются на меня, забывая о юношахъ? Другъ мой, природы измѣнить нельзя. Апрѣль всегда будетъ ослѣпленъ Авророй. Утро и весна—это избитыя слова. Лиліи и розы— все это старо. Да, а все-таки эта вѣчно молодая и утренняя заря всегда возьметъ верхъ. Молодость перекликается съ молодостью. Нужны голубыя вершины для поцѣлуевъ первыхъ лучей солнца. Покоримся своей участи. Будемъ смѣяться.

ГЮНИХЪ.

Вы, однако — принцъ, вы всегда можете быть увѣрены, что васъ предпочтутъ всѣмъ другимъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Величаться своимъ саномъ передъ женщиной нелѣпо. Для женщины король не стоитъ ея пажа, герцогъ не стоитъ лакея, если герцогъ старъ, а лакей молодъ. Никакое заходящее солнце не имѣетъ правъ на надежду. Умный человѣкъ не станетъ вступать въ состязаніе съ молодостью, чтобы не заслужить насмѣшекъ надъ своей рискованной любовью. Онъ знаетъ, что его глаза тусклы въ сравненіи съ тѣми, которые блестятъ. Онъ наблюдаетъ надъ собою. Пускай я государь. Но я долженъ быть скроменъ передъ какой нибудь дѣвчонкой. Почему? Потому, что у меня сѣдые волосы.

ГЮНИХЪ.

Можно пудриться.

ГАЛЛЮСЪ.

Да, милый баронъ. Но этотъ снѣгъ не прикрываетъ снѣга старости. Я знаю, что мнѣ пятьдесятъ лѣтъ.

ГЮНИХЪ.

Что-жъ, это прекрасные годы!

ГАЛЛЮСЪ.

Время ушло. Я не буду вѣтренымъ Жеронтомъ. Довольно и того, что я слишкомъ долго вѣрилъ въ свое утро. Увы, это грустно, но невозможно оставаться вѣчно молодымъ.

ГЮНИХЪ.

Конечно годы старятъ. Быть молодымъ — это блаженство. Но оставаться молодымъ...

ГАЛЛЮСЪ.

Это гибель. Я не желаю быть смѣшнымъ. По моему ужъ лучше быть преступнымъ. Кто бы ты ни былъ, но передъ женщинами держи себя съ достоинствомъ, будь насмѣшливъ и твердъ. Иначе ты узнаешь женскую строптивость. Только тотъ, кто презираетъ, можетъ бороться съ

тою, которая пренебрегаетъ. А главное не будемъ вѣрить въ тѣ сцены, какія намъ дѣлаютъ эти красавицы, не будемъ вѣрить ни ихъ крикамъ, ни ихъ великому искусству притворно раздражаться, заливаться слезами, дѣлаться смѣлыми. Не будемъ поддаваться маленькимъ женскимъ комедіямъ, которыя разыгрываются съ очень опредѣленной цѣлью: надувая насъ, взять надъ нами власть. Чортъ меня побери, если я отдамъ свою жизнь женщинѣ. Лучше отравиться... Кстати: ты знаешь мое кольцо? Мое отравленное кольцо?

ГЮНИХЪ.

Присланное вамъ изъ Ферары, гдѣ когда-то герцогиней была Борджіа.

ГАЛЛЮСЪ.

Представь, его украли у меня. Украли въ то время, когда я спалъ или когда былъ пьянъ. Мнѣ жаль его, это кольцо.

ГЮНИХЪ.

Да. Это въ самомъ дѣлѣ была рѣдкая драгоцѣнность.

ГАЛЛЮСЪ.

Нѣтъ, не потому. А вотъ почему, мой другъ. Пойми, что человѣкъ старится. Молодящійся старикъ—существо нелѣпое, тягостное для другихъ и самого себя. Съ одной стороны—цвѣтокъ «не тронь меня», съ другой—ископаемое. Мы уходимъ съ припадкомъ скуки и тошноты отовсюду: изъ оперы, съ бала, отъ Месмера, отъ короля Франціи. Жизнь тяготитъ насъ постоянно. При такомъ положеніи всегда дорожишь этими мрачными игрушками на всякій случай. Ко всѣмъ благамъ, которыми владѣешь еще, и ко всѣмъ бѣдствіямъ, которыхъ ждешь, недурно присоединять увѣренность, что можешь когда угодно отдѣлаться отъ тѣхъ и другихъ... Право досадно, что я потерялъ это кольцо...

—

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Та же комната. Посрединѣ столъ, на которомъ накрытъ ужинъ.

ГАЛЛЮСЪ, ЗАБЕТЪ **сидятъ за столомъ.**

ГАЛЛЮСЪ.

Скажите, довольны ли вашимъ отелемъ, столомъ, прислугой? Не нужно ли чего вамъ?

ЗАБЕТЪ.

Ничего. Я все имѣю, все получаю отъ васъ, герцогъ, и должна васъ благодарить за все, что вы дѣлаете для меня.

ГАЛЛЮСЪ.

О, все это пустяки. По моему женщина прелестное, слабое существо, боязливое, застѣнчивое. Ее нужно охранять отъ всего, что можетъ вызвать у ней заботы и морщинки: отъ утренняго холода, отъ укола розы. Для женщины нужны

милліоны. Безъ роскоши, безъ богатства женщина томится, страдаетъ. Надо ласкать время, такъ какъ оно держитъ насъ въ своихъ объятіяхъ. Поэтому необходимы всякія удовольствія сегодня, завтра, всегда. Скукѣ надо наносить какъ можно больше ударовъ. Чувствовать холодъ—недостойно женщины; чувствовать голодъ—странно. Но кушать на золотѣ можно не стѣсняясь. Жизнь для женщины должна быть волшебной сказкой. Я желаю, чтобы ваша жизнь была полна радостями и счастіемъ. Я не хочу, чтобы скука убивала васъ. Вы подъ моей защитой. Женщина можетъ честному человѣку нравиться, если онъ даже и не влюбленъ въ нее, какъ мечтатель. Онъ весело возвышаетъ ее надъ земными печалями. Требованія жизни и требованія мечты сливаются. какъ платье съ кружевомъ. Я старался все это понять. Вотъ почему я думаю, что луч-

шее выраженіе моей нѣжности—заботы о томъ, чтобы охранять васъ отъ всякихъ заботъ.

ЗАБЕТЪ пристально смотритъ на него.

Сказать вамъ всю правду?

ГАЛЛЮСЪ.

Я очень мало интересуюсь ею.

ЗАБЕТЪ.

Я васъ разоряю.

ГАЛЛЮСЪ.

Да?

ЗАБЕТЪ.

Я васъ обманываю.

ГАЛЛЮСЪ.

Ну, такъ что-жъ? (Отрѣзаетъ крыло куропатки и подаетъ Забетъ). Любовниковъ слѣдуетъ обманывать. Если бы я былъ женщиной, я бы завелъ ихъ сколько угодно. Но хоть это и глупо, все-таки я любилъ бы кого нибудь

изъ нихъ. Обманывайте меня Забетъ. Быть докучливымъ ревнивцемъ—это не въ моемъ вкусѣ. Точно также, какъ мнѣ некогда быть влюбленнымъ и пошлымъ. Разоряйте меня. Мнѣ пріятно, что у меня есть наяда, которая небрежно наклоняетъ урну, проливающую мое золото.

ЗАБЕТЪ.

Послушайте. Вы дали мнѣ богатство.
Я полудикимъ существомъ была,
Терпѣла бѣдность, я босой ходила.
Изъ состраданья грамотѣ меня
Въ деревнѣ выучили. Я не знала
Отца и матери. Тяжелый трудъ
За плату жалкую несла я. Часто
Сидѣла я безъ хлѣба. Предо мной
Явились вы однажды и съ улыбкой
Изъ хижины убогой во дворецъ
Вы привели меня. Потокомъ шумнымъ
И радостнымъ вдругъ полились ко мнѣ—
Ребенку нищеты—всѣ блага міра.

Шелкъ, золото, алмазы, жемчуга,
Все, что чаруетъ взоръ и искушаетъ,
Вы дали мнѣ. Я васъ благодарить
Должна за то.

Встаетъ.

И все-таки же, ваше
Высочество, я проклинаю васъ!

ГАЛЛЮСЪ.

Какъ хороши вы въ гнѣвѣ!

ЗАБЕТЪ.

Я душою
Въ своемъ паденьи просвѣтлѣла. Да,
Отъ голода, отъ холода—вы правду
Сейчасъ сказали, герцогъ—отъ всего,
Что бѣднякомъ тѣснитъ и оскорбляетъ,
Я золотой стѣной ограждена.
Вы окружили роскошью меня
И нѣжными заботами, безъ думы
Объ ихъ цѣнѣ. Отъ одного лишь
только
Вы оградить не въ силахъ—отъ пре-
зрѣнья.

ГАЛЛЮСЪ.

Однако власть моя васъ защититъ...

ЗАБЕТЪ.

Но я такой защиты не желаю;
Вы можете заставить вашей властью
Не *говорить* съ презрѣньемъ обо мнѣ
Но *думать* все же будутъ.

ГАЛЛЮСЪ.

Это правда.

ЗАБЕТЪ.

Вотъ видите. А кто же виноватъ,
Что обо мнѣ такъ думаютъ? Не вы ли?

ГАЛЛЮСЪ.

Ну, полноте, вы шутите, Забетъ...
Какъ плечи хороши у васъ...

ЗАБЕТЪ.

Оставьте...
Я женщина и для души моей
Нужна любовь, ея огонь священный.
А вы мнѣ что даете, окруживъ
Меня толпой блестящихъ негодяевъ?..

*

Всѣ эти герцоги, князья, маркизы,
Друзья всѣ ваши—отъ вниманья ихъ,
Отъ поклоненія, отъ пошлой лести
Меня бросаетъ въ дрожь. Вѣдь я въ
цѣпяхъ;
Они свободны. Жизнь для нихъ—
веселье,
Жизнь—праздникъ вѣчный. И меня
зовутъ
На этотъ праздникъ. Я иду. Я тоже
Какъ будто изъ пирующихъ. Вокругъ
Я вижу блескъ, я слышу смѣхъ и
шутки
И фразы беззаботныя.—«Маркизъ,
Что въ оперѣ даютъ сегодня?»—
«Будемъ
Мы вмѣстѣ ужинать»?—«Держу пари
Пять тысячъ луидоровъ»!—«Вы пре-
красны»!
—«Клянусь вамъ, ваши щечки ярче
розъ»...
Охота. Пиршества. Цвѣты зимою...
Всѣ по пути широкому бѣгутъ,
Съ надеждою протягиваютъ руки

И къ радости, и къ счастію... А я?
Я въ сторонѣ стою одна, съ тоскою
И ненавистью... О, звѣрей лѣсныхъ
Вы хуже—вы, мужчины, что зовете
Себя поклонниками красоты!

ГАЛЛЮСЪ.

Ужель вы думаете такъ серьезно?

ЗАБЕТЪ.

О, какъ измучилась, какъ изстрада-
лась я!
Нѣтъ у меня любви и нѣтъ надежды,
Тьма на душѣ и въ сердцѣ пустота...
Что сдѣлала я вамъ? За что сгубили
Вы жизнь мою? Сіяло надо мной
Въ лазури чистой золотое солнце,
Я радовалась утренней зарѣ...
Пусть я была бѣдна, пусть въ цѣ-
ломъ мірѣ
Мнѣ близокъ былъ одинъ лишь
Богъ; теперь
Нѣтъ у меня Его! Была счастлива,
Была свободна я. Меня нашли,

Меня вы увлекли съ собой: васъ
прихоть
Фантазіи безумной привела
Подъ бѣдный кровъ, гдѣ я въ тѣни
таилась.
Что сдѣлали вы изъ меня? Блуждала
Я въ сумеркахъ—вы ложный свѣтъ
зажгли
Передо мной, чтобъ бросить въ безд-
ну ночи
Неопытную душу... Сознаюсь,
Я не безъ слабостей была: кокет-
ство
Врожденное влекло меня на путь
Опасный... да... Но все жъ я коле-
балась,
Я ощупью, я боязливо шла.
Совѣтомъ честнымъ вы спасти мог-
ли бы
Неопытную дѣвушку. И что-жъ,
Какъ поступили вы со мной?

ГАЛЛЮСЪ.

Клянусь вамъ,
Я счастья вашего желалъ, Забеть,

Я былъ мечтой возвышенною по-
лонъ—
Открыть для васъ иной, блестящій
міръ,
Достойный вашего ума и сердца.

ЗАБЕТЪ.

Ахъ, у васъ была возвышенная мечта! Каждый принцъ долженъ имѣть возвышенную мечту. Онъ дозволяетъ своему державному уму витать надъ толпой и грезить великолѣпные сны. Онъ хочетъ создать въ этомъ мірѣ что нибудь свое, въ собственномъ вкусѣ. Вы задумали создать меня для себя. И вотъ благодаря вашей мечтѣ я стала потерянной женщиной въ глазахъ всѣхъ. Что же я сдѣлала вамъ? Я ничего не знала. Вы знали все. Вы толкнули меня трепещущую, нагую въ бездну позора. Вѣдь это преступленіе, это оскорбленіе Бога. Ваша игра—убійство души. Вы сами не по-

нимаете, до чего это подло. Люди не всегда знаютъ, какое сѣмя сѣютъ они. Они воображаютъ, что имѣютъ право потѣшаться нами, позолотивъ насъ: они думаютъ, что насъ можно разбивать точно куколъ! А, вы добры душою, добры! Но для чего же изъ падшей женщины вы дѣлаете себѣ пиръ? Нашлась простая дѣвушка, и знатный, блестящій баринъ увлекаетъ ее за собою. Безумная, съ распущенными по вѣтру волосами, она думаетъ, что онъ увлекаетъ ее на высоту въ небо, она смѣется и не знаетъ, что летитъ съ нимъ въ глубину бездны позора. Она былинка. Ее можно растоптать. Нѣтъ, ваше высочество, нельзя! Она станетъ кричать, Вы — позолоченная тріумфальная колесница. Вы не замѣчаете, что раздавили бѣдную песчинку... Вы видѣли во мнѣ только рабыню, которая покоряется, красивое тѣло, призракъ веселья, продаж-

ное безстыдство. Вы ошиблись. Я — сердце. А вы мечтали быть моимъ Провидѣніемъ? Ну такъ я вамъ говорю: ваша мечта — подлая ложь! Вы думали, что все мнѣ дали? Вы у меня все отняли, слышите-ли, все, все, все! вы отняли у меня честь, доброе имя, право стыдливо опускать глаза, миръ моей молитвы, мою невинность и гордый восторгъ дѣвственности, свѣтлый и прекрасный какъ утренняя звѣзда. Вы отняли у меня радость и дали мнѣ иронію. Герцогъ, у меня былъ сонъ—вы его украли и замѣнили его безсонницей. Мой отецъ, моя мать... Я не могу думать о нихъ, я блѣднѣю при воспоминаніи о нихъ, какъ мертвецъ, отъ стыда и горя. Ваши благодѣянія, ваши милости — насиліе. Ваши подарки — пощечины. Вы дали мнѣ только одно—пороки.

ГАЛЛЮСЪ.

Но, послушайте, Забетъ...

ЗАБЕТЪ.

Какъ бы я хотѣла вернуть мое свѣтлое прошлое! Косить траву въ полѣ, сбирать колосья послѣ жатвы. Проснувшись, бродить по лугамъ, окропленнымъ росою. Жить съ спокойной и свѣтлой душой... Все это у меня было. У меня была святая бѣдность. Теперь вокругъ меня и зимой, и лѣтомъ растетъ только одно: роскошь, сотканная изъ удовольствій, изъ шелка, изъ тщеславія и больше всего изъ позора и грязи! У меня нѣтъ ничего больше, я умираю отъ нищеты души. Я дрожу отъ холода презрѣнія. Я томлюсь жаждой уваженія. Вы меня довели до такой страшной нищеты.

Срываетъ съ себя брилiанты.

Подлые камни! Гнусные уборы! Позорные подарки!

Топчетъ ихъ. Къ Галлюсу.

Отдайте мои полевые цвѣты!

Рыдаетъ.

Вы будете оправдываться. Вы скажете, что, оставшись чѣмъ я была, я вышла бы замужъ за неуклюжаго фермера, можетъ быть даже за какого-нибудь бродягу, браконьера, разбойника. Такъ что же? Пускай. Но я бы отдала ему свое сердце, онъ былъ бы моимъ дубомъ, я бы цвѣткомъ, прильнувшимъ къ нему. Я жила бы въ лохмотьяхъ, безъ пристанища, да... Но я бы наслаждалась любовью, я бы услышала въ этой горькой жизни дѣтскій голосокъ, который говорилъ бы мнѣ: моя мать. Отецъ моего ребенка уважалъ бы меня и мы были бы честны другъ для друга. Вотъ чего я желала бы, герцогъ! А вы — вы не можете мнѣ этого дать. Вы стары и вы принцъ — я ненавижу то и другое... И, все-таки, знаете, что я скажу вамъ? Въ желаніяхъ женщины есть всегда потаенная дверь и вы могли бы войти

*

въ нее. Да, я полюбила бы васъ, если бы вы меня любили!

ГАЛЛЮСЪ.

Выслушайте меня...

ЗАБЕТЪ.

Молчите. Теперь все кончено. Вы затемнили мое сердце и ожесточили его. Будьте вы прокляты! Молчите. Мнѣ осталось еще средство противъ васъ, противъ вашей скуки, противъ моего отчаянія—ненависть и... могила!

ГАЛЛЮСЪ.

Что вы хотите сдѣлать?

ЗАБЕТЪ.

Умереть.

Вынимаетъ изъ своего лифа кольцо и подноситъ его ко рту.

ГАЛЛЮСЪ.

Что у васъ въ рукѣ?

ЗАБЕТЪ.

То, что освобождаетъ отъ жизни. Разъ, когда вы, по обычаю всѣхъ

знатныхъ людей, были пьяны, я взяла у васъ это.

ГАЛЛЮСЪ.

Мое кольцо?

ЗАБЕТЪ.

нажимаетъ гнѣздо у камня и блѣдная протягиваетъ Галлюсу кольцо.

Отдаю вамъ его.

ГАЛЛЮСЪ.

Оно отравлено. Этотъ ядъ смертеленъ.

ЗАБЕТЪ.

Испивъ позоръ, ничего не значитъ выпить ядъ.

Въ изнеможеніи падаетъ въ кресло.

Прощайте! Бѣдная лѣсная птица, я улетаю... Никто не любилъ меня...

Умираетъ.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Старинная итальянская легенда.

I.

Было это давно, давно въ старое, далекое время. Было это тамъ, гдѣ золотое горячее солнце юга грѣетъ зеленые олеандры. Было это тамъ, гдѣ чудною лазурью блещетъ безграничное, глубокое море.

У зеркальыхъ водъ глубокаго залива стоялъ пышный городъ съ высокими башнями и богатыми дворцами. Портики дворцовъ сверкали мраморомъ и золотомъ и бѣлыя мраморныя ступени сбѣгали отъ нихъ

внизъ, къ свѣтлымъ широкимъ каналамъ.

И стояли тамъ разубранныя гондолы съ узорными шатрами и занавѣсами, схваченными золотымъ снуркомъ. Точно лебеди съ выгнутыми шеями, тихо качались онѣ на водѣ, любуясь на свое отраженіе въ волнахъ.

А изъ мраморныхъ портиковъ дворцовъ, по гладкимъ ступенямъ выходили нарядными толпами гордые кавалеры въ бархатныхъ плащахъ и беретахъ и красивыя дамы и дѣвушки съ перьями въ бѣлокурыхъ и черныхъ волосахъ, съ длинными шлейфами и обнаженными руками и бѣлыми шеями въ кружевныхъ манжетахъ.

Выходили молодые пажики съ тонкими таліями, перетянутыми поясомъ, на которомъ звякалъ короткій стилетъ съ чеканной серебряной рукояткой. Выходили почтенные сѣдобо-

родые старики въ бархатныхъ, отороченныхъ мѣхомъ мантіяхъ съ широкими рукавами и въ высокихъ бархатныхъ шапкахъ.

И всѣ они—и старики, и прекрасныя дамы, и дѣвушки, и гордые кавалеры и юные пажики садились въ разубранныя гондолы веселые и смѣющіеся. Раздавались звуки лютни, запѣвались пѣсни и по синимъ волнамъ уносились гондолы: только тихій вѣтерокъ колебалъ узорныя занавѣски и золотыя кисти снурковъ...

Городъ былъ богатый и веселый и веселые и богатые люди жили въ томъ городѣ. И герцогъ, который правилъ у нихъ властью, былъ добрый и любилъ веселые пиры и праздники. Хотя и былъ уже онъ старъ годами, да душа то у стараго герцога была молодая и добрая.

II.

Душа у герцога была молодая и добрая и такая же была у него супруга—герцогиня. И ужъ какой красоты синьора, какой красоты! До сихъ поръ люди вспоминаютъ про ту красоту: не могутъ забыть ея темныхъ ласковыхъ глазъ и чуднаго, нѣжнаго голоса. Лучше всѣхъ прелестей въ прекрасной женщинѣ — нѣжный, ласкающій голосъ.

Звали добрую молодую синьору Анджіолой. Она любила играть на лютнѣ и пѣть и любила слушать музыку и пѣсни. Она всегда была добра и весела и всѣмъ улыбалась, зная, что ея улыбка даритъ счастье. Но пѣсни она любила тихія и печальныя, надрывающія сердце пѣсни...

Въ числѣ ея придворныхъ пажей былъ одинъ мальчикъ по шестнадцатому году, блѣдный и задумчивый мальчикъ, съ свѣтлыми волнистыми

кудрями, падавшими на бѣлый лобъ, и съ глубокими, грустными глазами. Онъ умѣлъ играть на лютнѣ и пѣлъ пѣсни такъ чувствительно, что онѣ звучали, какъ молитвы. За сладкій его голосъ прозвали этого молодого пажика Дзуфоло *.

Добрая герцогиня любила слушать его лютню и его пѣсни. И каждое утро, когда серебряныя звѣзды таяли въ синѣющихъ небесахъ, онъ приходилъ съ своей лютней въ прекрасный дворцовый садъ. Становился онъ въ прекрасномъ дворцовомъ саду подъ окномъ спальни своей синьоры, заигрывалъ на своей лютнѣ и пѣлъ тихую, тихую, нѣжную пѣсню.

И добрая герцогиня съ улыбкой пробуждалась подъ его музыку и подъ его пѣсню. И съ улыбкой вста-

---

* Zuffolo—сельскій музыкальный инструментъ, родъ флейты.

вала она съ пышной постели и съ улыбкой подходила къ окну, въ распущенныхъ по плечамъ кудряхъ, словно ангелъ утра и съ улыбкой говорила: «Здравствуй, Дзуфоло». И на ея ласковый привѣтъ онъ поднималъ къ ней свои задумчивые глаза и опять опускалъ ихъ, блѣднѣлъ и начиналъ пѣть еще сладостнѣе, еще печальнѣе...

III.

Въ богатомъ веселомъ городѣ всѣ веселились, въ богатомъ герцогскомъ дворцѣ шумѣли пиры и праздники. Хорошо жилось людямъ и они были довольны и счастливы, и проводили время въ пріятныхъ забавахъ и любви. Нѣтъ ничего на свѣтѣ пріятнѣе любви и ея утѣхъ: кавалеры ихъ любятъ, а ужъ дамы и говорить нечего...

Только разъ — случилось это въ

свѣтлую лунную ночь на св. Джузеппо — надъ городомъ провѣяло и промерцало что-то темное и страшное. Это пролетѣла черная смерть. Рыбаки ее видѣли... Въ ночь ту померло въ богатомъ, веселомъ городѣ сто человѣкъ. Въ день за ночью двѣсти. А на слѣдующую ночь триста. А тамъ стали мереть безъ счета.

Черная смерть заходила всюду по городу. Куда не зайдетъ, тамъ и похороны; на кого не взглянетъ своими впалыми, страшными глазами— оледенѣетъ у того сердце, ослабѣютъ всѣ члены, пойдутъ по тѣлу черныя пятна и свалится онъ трупомъ. Ужасъ нашелъ на людей и скорбь поселилась во всемъ пышномъ городѣ.

Сначала хоронили мертвыхъ и звучалъ за упокой ихъ души погребальный колоколъ. А потомъ и хоронить перестали—некогда было: очень ужъ много умирало, да и боялись

люди умершихъ. И колоколъ погребальный умолкъ. Тишина стояла въ городѣ. Въ домахъ и на улицахъ всюду валялись трупы скорченные, смрадные и ужасные.

Сначала плакали надъ умирающими и умершими. А потомъ и плакать перестали: ужасъ ожесточилъ сердца людей и не было въ нихъ больше жалости къ близкимъ. Плакали только младенцы у труповъ своихъ мертвыхъ матерей, изнывая отъ голода и напрасно припадая къ посинѣвшимъ ихъ грудямъ. И поплакавъ, бѣдныя малютки безпомощно умирали...

Сто дней и сто ночей ходила Черная смерть по городу, заглядывая своими леденящими очами всюду гдѣ были живые люди и удушая ихъ своимъ смраднымъ дыханіемъ И весь городъ вымеръ. Умерли всѣ прекрасныя дамы и дѣвушки, и гордые кавалеры и старые вельможи,

и совѣтники герцога и ихъ слуги. Умеръ и старый, добрый герцогъ— и его не пощадила Черная смерть.

IV.

Осталось только двое живыхъ людей въ городѣ: добрая молодая синьора Анджіола и ея молодой пажъ Дзуфоло. Съ тѣхъ поръ, какъ поселилась въ городѣ Черная смерть, добрая молодая герцогиня ужъ не улыбалась и ласковые ея глаза не свѣтили привѣтомъ счастія: слеза за слезою катились изъ ея ласковыхъ глазъ при видѣ смерти и общаго бѣдствія.

И Дзуфоло уже не игралъ на своей звонкой лютнѣ и не пѣлъ своихъ пѣсенъ доброй герцогинѣ. Повѣсилъ бѣдный мальчикъ свою лютню на шитой узорами лентѣ, подаренной ему синьорою, повѣсилъ онъ ее въ саду подъ окномъ спальни

доброй герцогини на молодомъ зеленомъ кипарисѣ—деревѣ.

И каждое утро приходилъ онъ туда, садился подъ зеленыя вѣтви кипариса дерева и печалился. Даже не плакалъ онъ, не рыдалъ: только вздыхалъ въ молчаливомъ горѣ и тихіе вздохи его слышали однѣ серебряныя потухающія звѣзды утра и онѣ лишь видѣли его безмолвныя, горькія, горькія слезы....

Когда умеръ старый добрый герцогъ, синьора Анджіола позвала къ себѣ Дзуфоло. И сказала ему добрая прекрасная синьора, печалясь по добромъ мужѣ: «Одни мы съ тобой остались, Дзуфоло, одни, бѣдный мой мальчикъ. Ты любилъ и почиталъ добраго твоего господина: помоги мнѣ похоронить его тѣло».

Они похоронили добраго стараго герцога въ зеленомъ саду подъ зеленымъ кипарисомъ—деревомъ, гдѣ висѣла лютня Дзуфоло. Они засы-

пали его могилу землею и положили сверху свѣжаго, зеленаго дерну. «Уходи отсюда, мой добрый мальчикъ,—заплакала тогда герцогиня— уходи отсюда дальше, чтобъ тебѣ не умереть, какъ умерли всѣ. А я останусь здѣсь и пусть Черная смерть придетъ и задушитъ меня на могилѣ моего герцога и мужа.»

«Гдѣ вы будете, добрая моя синьора, тамъ буду и я, и гдѣ вы умрете, тамъ и я умру вмѣстѣ съ вами»— отвѣчалъ ей Дзуфоло. И онъ сѣлъ на могилѣ стараго добраго герцога рядомъ съ плачущей его прекрасной супругой и сталъ съ нею вмѣстѣ плакать.

Они плакали съ полудня до вечерней зари, они тосковали, какъ тоскуютъ покинутыя горленки. Съ вечерней зарей легъ въ саду сумракъ; повѣялъ тихій ночной вѣтерокъ и тронулъ струны лютни Дзуфоло на вѣтвяхъ кипариса-дерева и по стру-

намъ пробѣжалъ тихій нѣжный звукъ. Услышала тотъ звукъ синьора Анджіола, затрепетало въ ней сердце, припомнилось ей прошлое, миновавшее счастье и радости, и она перестала плакать и задумалась.

Задумалась она и говоритъ Дзуфоло: «Слышишь, звенитъ твоя лютня?.. Полно горевать, мой бѣдный мальчикъ, развѣй свою тоску, сыграй мнѣ на твоей лютнѣ, спой мнѣ твою старую нѣжную пѣсню. Давно ты не пѣлъ, давно я не слыхала твоей лютни и пѣсни. Пусть, если Черная смерть подойдетъ ко мнѣ, я не замѣчу ея прихода за сладкой музыкой и пѣсней».

V.

А ужъ Черная смерть подходила къ ней тогда. И только что Дзуфоло снялъ съ вѣтвей кипариснаго дерева свою лютню, только что запѣлъ

свою тихую, нѣжную пѣсню—оглянулась герцогиня — Черная смерть стоитъ за нею. Неподвижныя стеклянныя очи смерти уставились въ ея глаза, желтые зубы костяной челюсти осклабляются страшной улыбкой, костлявую руку свою, точно сухую лапу хищнаго коршуна, протянула она къ бѣлой шеѣ синьоры...

Вскрикнула, вся дрожа, молодая синьора, вскрикнулъ, сверкая глазами, Дзуфоло. Вскочилъ онъ на ноги, выхватилъ изъ за пояса стилетъ и загородилъ грудью свою добрую, любимую герцогиню. Сверкнулъ клинокъ молодого пажа и вонзился въ грудь Черной смерти. А Черная смерть засмѣялась: слышно было только, какъ застучали ея костлявыя челюсти отъ смѣха.

Посмѣялась, посмѣялась Черная смерть да и говоритъ Дзуфоло: «Глупый, глупый юноша, спрячь свой острый стилетъ, оставь твою напрас-

ную ярость. Нѣтъ такой человѣческой силы и нѣтъ такого оружія, чтобы можно оборониться отъ меня. Жизнь твоей синьоры въ моей волѣ, твоя борьба со мной и твоя храбрость напрасны».

«Но ты смѣлый юноша, ты любишь свою герцогиню, ты славно поешь и играешь на звучной лютнѣ. Добро тому жить на свѣтѣ, кто смѣлъ душой, молодъ, умѣетъ любить, играть на лютнѣ и пѣть пѣсни... Слушай же, что я скажу тебѣ: всѣхъ я задушила въ этомъ городѣ; тебѣ одному я оставляю жизнь. Но твоя синьора умретъ съ восходомъ солнца. Послѣднюю ночь пой ей свои пѣсни и играй ей на своей лютнѣ: съ зарей она уже не услышитъ тебя»...

Сказала Черная смерть и пропала— потонула въ вечернемъ сумракѣ въ одинъ мигъ. Взглянули тогда другъ другу въ лицо добрая синьора и ея молодой пажъ, и онъ понялъ, что

она должна умереть, а она поняла, что онъ ее любитъ. И такъ имъ стало грустно, такъ жалостно стало имъ, что они сжали другъ другу дрожащія руки, долго молчали и только смотрѣли другъ другу въ очи и безмолвныя слезы катились у нихъ по блѣднымъ, блѣднымъ щекамъ...

VI.

«Прощай Дзуфоло, прощай мой бѣдный мальчикъ... Слышалъ ты, что юворила Черная смерть: на зарѣ умру я на зарѣ, чуть блестнетъ свѣтлое солнце... Прощай!.. Чувствую я, леденѣетъ мое тѣло и слабѣютъ мои руки и тяжело дышать моей бѣдной груди... Клонитъ меня ко сну— дремотѣ, къ предсмертному сну... Прощай!.. Сыграй мнѣ въ послѣдній разъ на твоей лютнѣ, спой мнѣ въ послѣдній разъ твою тихую пѣсню... Прощай»!..

Онъ сталъ на колѣни передъ своей доброй синьорой, заигралъ на лютнѣ и запѣлъ печальную, нѣжную пѣсню. Въ зеленомъ, безмолвномъ саду разносились сладкіе звуки лютни и пѣсни. Вышелъ на небо золотой мѣсяцъ, вышли золотыя звѣзды, прислушались и заплакали, мелькая дрожащими рѣсницами лучей. За мѣсяцемъ золотымъ и за звѣздами заплакала божія трава и лазоревые цвѣты и засверкали на нихъ росинки слезъ...

Подъ чудную, нѣжную пѣсню заснула добрая, прекрасная синьора и во снѣ отошла ея печаль и чудной улыбкой озарилось ея блѣдное лицо. И увидавъ, что его добрая синьора спокойно спитъ и улыбается, смолкъ Дзуфоло, бережно положилъ свою лютню на траву и, наклонившись надъ уснувшей, любовался ея милою, ненаглядною красотою.

Любовался онъ цѣлую ночь ея ми-

лою ненаглядною красотою, любовался онъ долго, долго и не могъ оторвать свой взоръ отъ нея. Не видалъ онъ, какъ прошла ночь, не видалъ онъ, какъ закатился золотой мѣсяцъ, не видалъ онъ, какъ потухли золотыя звѣзды. Заалѣла на востокѣ заря и свѣтлые лучи солнца заиграли и разлились по синему небу. И тутъ пробудилась отъ сна прекрасная Анджіола.

Она пробудилась, открыла свои темные, ласковые глаза, увидала своего молодого пажа и улыбнулась ему прежней ласковой улыбкой и промомолвила: «Здравствуй, Дзуфоло». И какъ только промолвила, вздохнула тихо, тихо, медленно, три раза вздохнула, и кончилась...

Припалъ къ ея холоднымъ устамъ своими устами Дзуфоло, цѣловалъ онъ ее въ уста, первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ цѣловалъ свою добрую, любимую синьору и рыдалъ бе-

зутѣшно надъ ея прекраснымъ холоднымъ тѣломъ. Кипарисъ-дерево простирало надъ мертвой синьорой свои зеленыя вѣтви, и плакало вмѣстѣ съ бѣднымъ молодымъ пажикомъ.

Нарыдавшись,наплакавшись,взялъ Дзуфоло свою лютню и разбилъ ее о землю. Вынулъ онъ изъ за пояса свой острый стилетъ, уперъ его чеканную рукоятку въ стволъ кипариса и упалъ на острую сталь грудью. Брызнула кровь изъ молодого сердца, что такъ рано полюбило затѣмъ, чтобы рано умереть... И легъ холодный трупъ Дзуфоло рядомъ съ тѣломъ его любимой синьоры.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Голубые звуки.

Стр.

Приди 7
Ночь. 9
Пророки будущаго 11
Бѣлокурый сфинксъ 13
Сонетъ. 15

Бѣлыя поэмы.

Послѣдняя пѣснь 19
Quasi una fantasia funebra . . . 37

Голубые звуки.

Пѣсни весны 49

Бѣлыя поэмы.

Мавританка 69

Олафъ и Эстрильда 77
Сильванина 88
Инфанта 95
Ассарпаи. 107
Норвежская легенда 121
Эмиръ и его конь 133
Біанка Капелло. 139
Маркиза Забетъ 243
Черная смерть 278

